

Эрих Редер
Гросс-адмирал. Воспоминания командующего
ВМФ Третьего рейха. 1935-1943

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156641

Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935-1943: Центрполиграф;
М.:; 2004
ISBN 5-9524-1014-6

Аннотация

Автор книги – гросс-адмирал Эрих Редер, стоявший во главе ВМФ Германии с января 1935 года до января 1943-го. Описывая свой жизненный путь, он особое внимание уделяет периоду Первой и Второй мировых войн. В книге рассказывается о политической ситуации в Германии накануне прихода к власти нацистов, о взаимоотношениях военного руководства флота с нацистской партией и политических деятелях этого режима.

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1	6
Обучение в императорском военно-морском флоте, 1894—1897 годы	8
Офицерская подготовка	10
Первая должность	12
«Германия» и Дальний Восток	13
На суше и на море, 1901—1905 годы	21
Глава 2	25
Глава 3	35
Сражение в Гельголандской бухте	38
Флот переходит в наступление	40
Сражение при Доггер-Банке	43
Адмирал Шеер принимает командование флотом	48
Новые рейды на вражеское побережье	50
Сандерленд и сражение при Скагерраке	51
Глава 4	52
Глава 5	62
Революция и прекращение военных действий	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Эрих Редер

Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935-1943

Предисловие автора

В своем вступлении к книге «По другую сторону холма» британский военный писатель Лиддел Харт приводит такой эпизод из жизни фельдмаршала лорда Веллингтона. Во время путешествия лорд Веллингтон и его знакомый коротали время за разгадыванием, какого рода местность может оказаться по другую сторону каждого встречающегося им на пути холма. Когда спутник лорда выразил свое удивление от того, что суждения Веллингтона всегда оказывались верными, последний ответил: «Всю свою жизнь я пытался понять, что лежит по другую сторону холма».

В обычной жизни достаточно трудно представить себе истинную картину того, что лежит по другую сторону холма, который закрывает нам вид. Но еще труднее представить себе, что лежит по другую сторону той непреодолимой горы, которая отделяет настоящее от будущего. Мы живем и действуем ради будущего, пытаясь угадать его в самых общих чертах, но и это чаще всего бывает трудно. Человеку не дано знать, что уготовила ему судьба. Поэтому все наши деяния отмечены печатью несовершенства. Человек, бросающий взгляд на пройденный им путь с другой стороны холма, видит вещи в совершенно другом свете. То, что раньше представлялось неясным, видится совершенно отчетливо. То, что некогда было неразрешимой проблемой, теперь находит вполне четкое решение. Вещи, которые раньше казались незыблемыми, рассеиваются как мираж. Другие, которые были когда-то совсем не важными или даже забылись, теперь обрели всю свою значимость. Взгляд в прошлое разительно разнится с попыткой проникнуть зрением в покрытое вуалью будущее.

Ныне мы стоим по другую сторону холма. Впервые мы можем осознать куда более ясно и четко, что было верно и что – неправильно. Появление этой книги связано с желанием внести свой вклад в познание прошлого. В ней нет никакого соперничества с теми авторами, которые, основываясь на вновь открывшихся источниках, воссоздают в серьезных трудах историю Германии за последние полвека. Я лишь хочу внести свою скромную толику знания в выполнение этой задачи.

Вполне возможно, что взнос мой будет весьма и весьма скромным. Офицер, который, в соответствии с традицией и своим личным пониманием, всегда рассматривал себя как слугу вооруженных сил и государства, не может ощущать себя компетентным обсуждать исторические события своего времени иначе, как через узкую призму своего собственного опыта. А я был моряком и солдатом, но никак не политиком. Мои многочисленные заметки дают мне, однако, возможность рассказать о событиях прошлого, их эволюции и связанных с ними мыслях – в том числе и об ошибках, которые мы ныне признали, – с точки зрения того времени. Десять лет заключения в тюрьме Шпандау были благодеянием в том смысле, что они сберегли мою память от неразберихи внешнего мира.

Для военно-морского флота и для меня – в качестве его главнокомандующего – в период между двумя мировыми войнами не было более важного политического события, чем заключение англо-германского военно-морского договора 1935 года. Он означал конец периоду германского плена, который начался Версальским миром. Первая часть этой книги

описывает мою службу на флоте вплоть до этого времени; вторая ее часть посвящена развитию событий после 1935 года. Обе части представляют собой неразрывное целое.

Рост военно-морского флота, начавшийся в 1935 году, и многочисленные мои служебные обязанности и достижения, связанные с ним, особенно во время войны, невозможно описать во всей их полноте. Эта задача должна быть отложена до той поры, когда станут доступными все данные, и выполнена людьми, располагающими большим временем, чем его осталось у меня.

При работе над этой книгой мне оказали неоценимую помощь мои многочисленные старые друзья и товарищи. Будет несправедливо выделить персонально кого-либо из них, поэтому я приношу мою сердечную благодарность всем им. Но я считаю своим долгом поблагодарить адмирала в отставке Эриха Ферсте, моего старого и преданного сотрудника в течение многих лет, за то время и силы, которые он вложил в доработку этого издания. Он самоотверженно держал свои взгляды и интерпретации событий на заднем плане, предоставляя мне возможность быть на виду. Книга эта является всецело моей собственной, и я несу всю ответственность за ее содержание.

Моя жизнь обильно дарила меня своими благами, но и трудностями, а также и трагическими событиями, порой даже чересчур. Не кривя душой, могу сказать, что она была исполнена трудами и заботами. И все же, оглядываясь назад, несмотря ни на что, я благодарен судьбе за то, что с ранней юности я работал среди замечательных людей, товарищем которых я был. Если этой книгой воспоминаний я смогу хоть в какой-то степени уберечь их от забвения, я буду счастлив, что на закате своей жизни выполнил свой последний человеческий долг.

Киль, 1957 год

Эрих Редер

Глава 1

Начало службы на флоте

Поступить на службу в военно-морской флот да и, сказать по правде, вообще выйти в море я в свои детские и юношеские годы даже не помышлял. Мой отец, Ганс Редер, был преподавателем французского и английского языков гимназии Маттиаса Клаудиуса в местечке Вандсбек под Гамбургом, где я и родился 24 апреля 1876 года. Мой дед тоже был учителем, владельцем частной школы. Моя мать, Гертруда Хартманн, была дочерью придворного музыканта Альберта Хартманна.

Жалованье молодого преподавателя гимназии было не таким уж большим, так что нашей семье приходилось экономить, чтобы дать образование мне и двум моим братьям. Но эти уроки экономии стали для нас хорошей школой, в раннем возрасте научив довольствоваться малым и считать каждый пфенниг.

В домашней атмосфере царила дисциплина, смягченная искренней любовью. Страх перед Богом, любовь к правде, чистота – таковы были принципы, впитанные нами с детства. Я до сих пор помню, как усердно мой отец растолковывал мне важность посещения церкви и значение церковной службы перед тем, как я впервые отправился вместе с ним и с матерью в нашу церковь в Вандсбеке.

В школьные годы мои братья и я доставляли мало хлопот нашим родителям, потому что всем нам учеба давалась достаточно легко. Наш отец учил нас плавать и кататься на лыжах, а наша мать, получившая прекрасное музыкальное образование, давала нам уроки музыки.

Учеба перемежалась частыми поездками, причем не только по городам Германии, но и на природу: в леса и на море. Мы хорошо изучили Гамбург и его порт, а также Саксонский лес, где находился замок Бисмарка. В 1888-м и 1889 годах мы побывали на пляже в Тиммендорфе, где тогда стояло только шесть домов, и в Травемюнде, на Балтийском море. В гавани города Любека я впервые в жизни увидел военный корабль, учебный корвет «Москит». Это единственный военный корабль, который я видел до начала своей службы на военно-морском флоте. Мы даже побывали на борту «Москита», что не произвело на меня совершенно никакого впечатления.

В 1889 году, когда мне было тринадцать лет, отец мой был довольно неожиданно назначен заведующим гимназией Фридриха-Вильгельма в городе Грюнберге, что в Силезии. Такое повышение было признанием его успехов в преподавании, ставших частично следствием его долгих стажировок в Англии и Франции. Но для меня переход от программы классической гимназии Вандсбека к более прагматической школе в Грюнберге был связан с определенными трудностями. И хотя я опережал своих новых соучеников во французском языке и латыни, но года на полтора отставал от них в английском и математике. Однако четыре недели усиленных занятий под руководством отца летом на пляже позволили мне догнать их в английском, а преподаватель математики в Грюнберге за еще более короткий срок помог заполнить мои пробелы в геометрии.

Перемена в окружающей меня среде была еще больше, чем перемена в учебной программе. Помимо общей разницы в культурном уровне, я оказался еще и в другой языковой среде – здесь говорили на другом диалекте, что порой становилось изрядной проблемой. Но даже эти трудности со временем исчезли. Мы обжились в нашем новом доме и обнаружили, что пешие прогулки по местным холмам ничуть не менее интересны, чем изучение бухт и пляжей балтийского побережья.

За время учебы в Грюнберге многое мне дал доктор Леедер, молодой профессор, преподававший нам географию и историю. В его изложении история буквально оживала перед

нами, причем не только военные события наполеоновского периода и Франко-прусской войны, но события современной политической истории. Я так высоко ценил его уроки и нашу дружбу, что навещал доктора Медера вплоть до его восьмидесятипятилетнего юбилея, наступившего накануне Второй мировой войны, когда я в очередной раз посетил могилы моих родителей, умерших в 1932 году.

Кульминацией учебного года в Грюнбергской гимназии была загородная прогулка в Одетвальд, которую все ученики школы совершали каждое 2 сентября. В таких вылазках принимали участие и многие из бывших учеников нашей гимназии вместе со своими семьями. В программе этого пикника была речь лучшего ученика школы, множество игр и спортивных соревнований, а потом общие танцы всех присутствовавших. Заканчивалось все факельным шествием в город.

После окончания гимназии планировалось, что я буду поступать в университет; у меня были в то время довольно неопределенные намерения стать врачом, военным хирургом. Но для этого надо было хорошо знать латынь и греческий язык. Поэтому я стал брать частные уроки латыни и греческого, восполняя свои пробелы в этих языках.

Во время последнего года, проведенного мной в стенах гимназии, я выиграл на одном из конкурсов книгу. Ее автором был адмирал фон Вернер, описавший кругосветное путешествие принца Генриха Прусского в бытность его курсантом военно-морского училища. По всей книге были рассыпаны подробные описания восхитившей меня повседневной жизни на борту парусного фрегата. Весь год я читал и перечитывал эту книгу, пока не выучил наизусть все подробности жизни курсантов военно-морского флота на борту судна.

Определила ли мое решение эта книга, или то была судьба, я так и не знаю. Но в марте 1894 года, всего за две недели до выпускного экзамена в гимназии, я вошел в кабинет моего отца и сообщил ему, что я не желаю изучать медицину, но хочу поступить в военно-морской флот. Я попросил моего отца направить заявление в Oberkommando der Marine (Главное управление военно-морского флота) о зачислении меня в военно-морское училище, присовокупив к нему копию моего школьного аттестата.

Такое неожиданное изменение планов озадачило бы большинство других родителей, поскольку весь склад моего характера не соответствовал профессии, требующей таких больших физических нагрузок. Во время занятий физкультурой в школе мне лишь с напряжением всех сил удавалось получать неплохие отметки. Однако мой отец всегда с большим уважением относился к моим решениям, поэтому он тут же, как я его и просил, отправил заявление в Главное управление военно-морского флота, несмотря на то что срок для представления подобных заявлений уже истек в начале октября прошлого года. Удивительно, но на это заявление почти немедленно был получен ответ с требованием пройти медицинскую комиссию в уланском полку в городе Цулликау и быть готовым прибыть в Киль 1 апреля, то есть уже меньше чем через месяц.

Медицинскую комиссию я прошел без всяких проблем, но поездка через всю Германию из Силезии в Киль и пребывание там вместе с десятками других кандидатов в моряки, среди которых у меня не было ни одного знакомого, стали для меня тяжким испытанием. За всю свою жизнь я редко покидал дом в одиночку, а все эти энергичные незнакомцы съехались со всей Германии, причем на удивление много – из Баварии.

Обучение в императорском военно-морском флоте, 1894—1897 годы

По прибытии в Киль мы были временно размещены в мансарде военно-морского училища. Сразу же началось обучение, причем первые шесть недель шли обычные строевые занятия. Их вел лейтенант морской пехоты фон Ойдитман, хотя строевой подготовкой обычно занимались армейские сержанты.

Эти строевые занятия были самым трудным и несчастливым периодом во всей моей жизни военно-морского курсанта. И совсем не от трудностей муштровки, но из-за жесткого отношения сержантов. Словеса, которыми они общались с нами, хотя и не предназначались кому-либо персонально, были столь грубы и вульгарны, что я порой всерьез задумывался, стоит ли мне продолжать службу в подобной атмосфере.

Помимо обычного армейского строя, мы изучали лабиринты парусной оснастки судов по искусно выполненным моделям этих судов, а также основы гребли на шлюпках. Кульминацией этих шести недель был морской парад, который принимал сам кайзер, приехавший в Киль, чтобы представить военно-морскому флоту своего сына, принца Адальберта, в день его десятилетия. Наш парад, во время которого юный принц маршировал на правом фланге как живое олицетворение события, прошел не совсем гладко, но церемония принятия нами присяги в военно-морской часовне, за которой последовала вдохновляющая проповедь престарелого главного капеллана Ландхельда, была весьма трогательной.

Наша учеба на берегу закончилась смотром, а в мае мы получили долгожданные направления на учебные суда. Я, вместе с 34 моими соучениками, получил назначение на учебное судно «Штош»; другие 35 были направлены на корабль его величества «Штайн».

«Штошем» командовал капитан фон Шукман, но офицером, непосредственно занимающимся нашим обучением, был младший лейтенант фон Штудниц, на «Штайне» его коллегой оказался лейтенант фон Ребёр-Пашвиц. Младшему лейтенанту помогали младший лейтенант Саксер и двое пожилых опытных унтер-офицеров Кние и Гаэтие. Они держали нас в ежовых рукавицах, но никогда не позволяли себе таких грубых и оскорбительных выражений, которых мы наслушались на берегу. Когда кто-нибудь из нас, мичманов, широко раскрыв глаза от удивления, наблюдал за тем, как Кние ловко взбирается по судовым вантам, тот мог сказать: «Могу тебе пообещать, парень, если я рухну отсюда, то обязательно прихвачу тебя с собой!» Никто из нас не воспринимал эти слова как оскорбление или угрозу; наоборот, подобные высказывания в опасной ситуации создавали некую особую сплоченность. Забота, с которой эти двое служак присматривали за нами во время работы со снастями на реях и показывали нам все известные им приемы обращения с парусами и снастями, заставляли нас смотреть на этих унтер-офицеров совершенно другими глазами.

Согласно расписанию наш пост, пост военно-морских курсантов, был на бизань-мачте, самой близкой к корме из трех мачт «Штоша». Сначала мое место было на брам-рее, но потом, вместе с тремя другими, я был переведен на бом-брам-рей, самый верхний из всех реев, где в штормовую погоду паруса надо было не рифить¹, но с отчаянной скоростью убирать.

Каждое утро перед завтраком все военно-морские курсанты должны были взбираться по вантам до топа мачты и спускаться вниз, пока каждый не смог проделать это упражнение за 58 секунд. Когда я вышел на четвертое место среди 34 моих сотоварищей, то был весьма горд своим достижением. Но вслед за этим мы таким же манером осваивали гораздо более

¹ Рифить (зарифлять) паруса – уменьшать поверхность паруса при усилении ветра.

высокую грот-мачту, и мне пришлось изрядно попотеть, чтобы уложиться в одну минуту и три секунды.

Кроме работы с парусами, программа нашего обучения включала в себя такие общие для всех моряков дисциплины, как гребля и хождение под парусом на одномачтовом тендере, а также работа со старыми 150-миллиметровыми орудиями и теоретические занятия навигацией, математикой, английским и французским языками.

Летом мы совершили учебный поход по Балтике, а с наступлением зимы отправились в куда более дальний поход: в Вест-Индию.

Первые несколько дней этого похода доставили нам много хлопот, в Северном море мы потеряли гребной винт, а ночью в Бискайском заливе внезапно налетевший шквал сломал и унес гик кливера. Из-за этих происшествий нам пришлось вернуться в Вильгельмсхафен, а несколько позднее зайти еще и в Лисабон для ремонта. Но позже, подгоняемые пассатом, мы прошли вдоль побережья Мадейры, Ямайки и Гаваны. Столь же приятным был и обратный рейс через Сан-Доминго, Бермудские острова, с заходом в Плимут и мимо мыса Скаген. По возвращении в Киль мы удостоились инспекторского смотра адмирала фон Кнорра, а потом сдавали экзамены.

Экзамены, как теоретические, так и практические, были довольно строгими, так что из 70 курсантов лишь 60 смогли миновать все их мели и подводные рифы. Но после сдачи нам разрешили отправиться домой на месячные каникулы. С глубокой радостью в сердце я, ничего предварительно не сообщив, появился на пороге родного дома в Грюнберге тем апрелем 1895 года, представ перед своими родителями и братьями. Мое появление стало большой радостью и для них. Через две-три недели я получил уведомление, что экзамены я сдал первым в своей группе и был произведен в звание гардемарина.

Офицерская подготовка

После окончания каникул я встретился со своими соучениками по набору 1894 года. Нас, 60 человек, разбили на четыре учебные группы и распределили по четырем учебным судам. Я попал под командование дружески расположенного к нам капитан-лейтенанта де Фонсека-Вольхайма на учебное парусное судно «Гнейзенау», которым командовал капитан 3-го ранга фон Дассель. Здесь мы прошли первые уроки командования людьми, потому что каждому из нас было поручено возглавлять группу из моряков-новобранцев и натаскивать их во всех премудростях службы – весьма ответственное дело для любого честлюбивого молодого человека. Разумеется, в этом нам помогали опытные унтер-офицеры. Сами же новобранцы были добровольцами в возрасте около пятнадцати лет, которые после двух лет обучения становились рядовыми матросами. Лучшие из них, после специальной подготовки, могли получить со временем унтер-офицерское звание.

Будучи преподавателями, мы и сами продолжали учиться: слушали дополнительные курсы навигации и артиллерийского дела, а также несли вахту, работая с парусами и в машинном отделении.

В 1895 году произошло весьма важное для военно-морского флота Германии событие: 21 июля был открыт канал имени кайзера Вильгельма, соединивший устье Эльбы и Северное море с Балтикой, причем на открытии его присутствовал сам кайзер Вильгельм II.

В церемонии участвовали почти все морские страны мира. В течение всей весны в Киль прибывали иностранные суда. Их по специально разработанному церемониалу приветствовали германские военно-морские корабли, стоявшие на якорях вдоль всей гавани. Наше судно «Гнейзенау» стояло почти рядом с маяком в Фридрихсворте и должно было приветствовать каждый входящий в гавань корабль его национальным гимном, исполняемым нашим оркестром. Праздничному украшению судна и парадной форме команды, а также пунктуальному следованию всем параграфам церемонии встречи уделялось самое пристальное внимание. Общественно-политическое значение этого события едва ли трогало нас, зато мы радовались тому, что с нашей стоянки мы могли во всей красе наблюдать праздничные фейерверки.

А еще долгая якорная стоянка дала нам возможность повидаться с нашими сотоварищами по учебе, которых мы не видели практически с тех самых пор, как ушли в море. Эти встречи много способствовали созданию того духа морского братства, который, как в германском военно-морском флоте, так и в других военных флотах, является одной из основ службы. Отныне и впредь набор 1894 года держался друг за друга как в дни мира, так и в дни войны.

Когда церемония открытия канала была закончена, мы отправились под парусами в Лервик, что на Шетландских островах, для участия в масштабных маневрах флота. Наши четыре учебных судна были объединены в один из дивизионов для участия в морских маневрах имени Тирпица, которые проводились ежегодно под командованием одного из старших адмиралов для отработки боевой тактики ВМФ в будущих сражениях. Затем мы отправились в зимний поход по Вест-Индии, снова для приобретения профессионального опыта, поскольку в таком переходе приходится много работать с парусами и стоять многочасовые вахты. Так что отдыхать приходилось во время кратких остановок в романтических тропических гаванях. Впрочем, обслуживание старых и порядком изношенных дымогарных котлов, да еще в тропической жаре выматывало нас так, что для походов на берег порой не оставалось сил.

Наряду с практическим обслуживанием механизмов и морской практикой мы постоянно занимались и теоретическими дисциплинами, такими, как навигация, торпедное и

артиллерийское дело, – все это было необходимо для сдачи экзаменов, которые нас ждали в конце второго года обучения.

Следующие шесть месяцев мы провели в занятиях по артиллерийскому и минно-торпедному делу на специальных судах, выделенных для этих целей.

К концу 1896 года мы снова оказались в Киле. Нам предстоял последний год обучения, теперь уже непосредственно в стенах военно-морского училища. Здесь все курсанты нашего набора снова собрались вместе под командованием капитана 3-го ранга фон Котцхаузена, строгого, но справедливого командира.

Военно-морское училище располагалось непосредственно в гавани, дававшей прекрасную возможность для шлюпочных гонок и хождения под парусом. В самом училище был замечательный легкоатлетический зал и другие помещения для занятий различными видами спорта. В нашем распоряжении были комфортабельные спальни и великолепно оборудованные учебные классы. Занятия проводились в первой половине дня, послеобеденное же время посвящалось занятиям легкой атлетикой, спортом и хождению под парусом. Вечерами мы могли выбираться в город до двадцати одного часа, но, если планировалось посещение театра, концерта или частной вечеринки, то можно было вернуться и позже.

В летнее время по выходным в частном порядке дозволялось ходить под парусами в ближайших окрестностях города. Любимой целью подобных прогулок была бухта Эккендорф. Помимо живописных окрестностей, нас влекло к себе поместье Виндеби, гостеприимный владелец которого был отцом четырех сыновей и девяти очаровательных дочерей. Не было совершенно ничего удивительного в том, что четыре из этих дочерей одна за другой вышли замуж за наших товарищей.

Так, в трудах, хлопотах и приятном времяпрепровождении проходило время нашей учебы, завершившись трудными выпускными экзаменами. Всех нас ожидало производство в офицеры и морская служба.

Первая должность

Облаченный в новенькую форму младшего лейтенанта, 1 октября 1897 года я ступил на палубу корабля его величества «Саксония». Я был назначен офицером-сигнальщиком и отвечал за все сигнальное хозяйство корабля, а также за обучение и подготовку матросов-сигнальщиков. Назначение это я считал подарком судьбы, поскольку по своим обязанностям всегда находился на судовом мостике, в особенности во время маневров и тренировочных походов. Здесь молодой офицер имел возможность приобрести опыт и знания, наблюдая за работой старших офицеров корабля. Ими командовал капитан 1-го ранга Плахте, имевший прекрасный послужной список, и с его помощью я приобрел ценнейшие познания в таких профессиональных сферах, как судовождение, навигация, управление судном и тактика, а также и в своей сфере офицера-сигнальщика.

Именно в этот период времени военные флоты всех морских держав мира только начинали постигать всю важность сигнализации, которой до этого так долго пренебрегали. Так, например, великий французский адмирал Сюфрен во время морских сражений, от которых зависела судьба Индии, терпел неудачи только потому, что не мог ясно передать свои приказы на корабли своей эскадры из-за сложнейшей системы сигнализации тех дней. Даже известный сигнал Нельсона при Трафальгаре – «Англия надеется, что каждый исполнит свой долг» – был передан поднятием двенадцати отдельных флагов. В битве при Скагерраке², до которой оставалось уже недолго, адмиралу Шееру потребовалось только два флага, чтобы отдать свой знаменитый приказ – «Крейсерам атаковать противника! Общая атака!» – всем кораблям флота. Два поднятых флага – *Ричард* и цифровая *девятка*, продублированные приказом по радио, бросили крейсера в отчаянно смелую атаку, которая стала поворотным пунктом сражения.

Но мы забежали вперед, а в то время, стоя на мостике «Саксонии», я не имел ни малейшего представления, какая важная роль предназначена должности офицера-сигнальщика в моей будущей карьере.

² Битва при Скагерраке известна в англоязычной исторической литературе как Ютландский бой. (Примеч. авт.)

«Германия» и Дальний Восток

Моя служба на «Саксонии» и недолгое исполнение офицерских обязанностей на однотипном корабле в одночасье закончились. Я вдруг получил назначение в качестве офицера-сигнальщика на броненосец³ «Германия», идущий на Дальний Восток.

Эта часть света неожиданно стала весьма важной для крупнейших морских держав. При Бисмарке впервые была определена колониальная политика Германии, и, с помощью все понимающих коммерсантов и первопроходцев-колониалистов, она реализовалась в приобретении важных колоний. Поражение, нанесенное Японией Китаю в 1894—1895 годах, рассматривалось как начало распада Китая, и ведущие европейские державы повели борьбу за сферы влияния в этом регионе. Германской дипломатии удалось добиться у Китая аренды Циндао и залива Киачоу на Шаньдунском полуострове, и германская эскадра крейсеров под командованием вице-адмирала фон Дидерихса была послана, чтобы занять их. Теперь же был сформирован второй дивизион из современных крейсеров «Императрица Августа» и «Гефийон», с «Германией» в качестве флагмана. Объединенное усиленное формирование должно было перейти под командование контр-адмирала принца Генриха Прусского — германского «принца-моряка», который в конце концов заменил на посту командующего адмирала фон Дидерихса.

Для германского военно-морского флота новая колониальная политика означала активное участие в операциях тех судов, которые были годны для дальних походов и службы вдали от родины, — фрегатов, корветов и канонерских лодок, оснащенных как парусами, так и паровыми машинами. При столь быстром развитии мировой политики становилось ясно, что военно-морским флотам предстоит играть весьма важную роль в ней.

Естественно, офицеры и гражданские служащие нашего корабля были исполнены энтузиазма как в отношении новой политики, так и в отношении нашего участия в ней. Лично мне доставило особое удовольствие известие о том, что капитан Плахте был назначен командовать флагманским кораблем «Германия».

Назначение принца Генриха, брата самого кайзера⁴, командующим Дальневосточной эскадрой, было совершенно ясным свидетельством не только значимости Дальнего Востока в международной политике, но и увеличивающейся роли военно-морского флота в национальных планах Германии. Свою службу на флоте принц Генрих начал гардемаринем в 1877 году и так полюбил море и нелегкую морскую службу, что к тому времени, когда его брат вззошел на трон, он уже имел звание старшего офицера. Талантливый и опытный моряк, он по праву заслужил громадную популярность среди морских офицеров и всех причастных к морю людей.⁵

Кайзер Вильгельм II также проявлял живой интерес к военно-морскому флоту со времен своей юности. Возможно, это было обусловлено его личными тесными связями с Англией. Будучи одним из любимых внуков королевы Виктории, он часто навещал ее, и его часто можно было видеть на палубах военно-морских кораблей ведущих морских держав знакомящимся с последними моделями судов и их оснащением.

Вскоре после восхождения на трон он передал главное командование военно-морского флота, которое до этого находилось в руках армейских генералов фон Штоша и фон Каприви, самым морякам, назначив морского офицера на пост эквивалентный сегодняшнему началь-

³ Название этого класса судов менялось довольно часто. (Примеч. авт.)

⁴ Имеется в виду Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король в 1888—1918 гг.

⁵ Он так любил море, что даже в весьма преклонном возрасте его можно было видеть у штурвала своей небольшой яхты, идущей под парусом в любую погоду. (Примеч. авт.)

нику штаба морских операций США. Большому влиянию торгового мореплавания на военные морские операции ныне пришел конец. Более поздними указами управление флотом было разделено на Главное командование военно-морским флотом и Имперскую морскую администрацию.

Все эти преобразования шли рука об руку с новым подходом к конструкции кораблей. Германские военно-морские корабли были разных типов, но во главу угла, вплоть до этого времени, ставились требования сухопутной войны. Именно так появился класс кораблей «атакующие корветы», примером которого и была «Саксония». Устаревшие броненосцы, подобные «Германии», которая была построена в Англии, до сих пор были оснащены как парусами, так и паровой машиной. Лишь с назначением контр-адмирала Тирпица министром военно-морского флота в 1897 году была принята ясная и прогрессивная концепция строительства кораблей.

Адмирал Тирпиц по праву может считаться отцом современного германского военно-морского флота. Он сделал себе имя как создатель подразделений торпедных катеров и много лет был начальником штаба Верховного командования флота. Именно в этот период его руководства фундаментальные принципы действий флота и были заложены в основу организации современных германских военно-морских сил. Разработанные им теории, проведенные на ежегодных маневрах и сформулированные в девятом выпуске «Публикаций тактики службы», издаваемых Верховным командованием флота, стали «библией» тактики для флотских офицеров на многие годы.

Переоснащение и подготовка для долгой миссии за границей столь древнего корабля, каким была «Германия», представляли собой нелегкую задачу, но энтузиазм личного состава, предвкушавшего азиатский поход, сделал возможным ее решение. В этот поход предстояло отправиться еще трем офицерам из нашего призыва – Швенгерсу, Вегенеру и фон Кнезебеку, – которые за эти два года стали моими самыми близкими друзьями.

На борту «Германии» я исполнял обязанности офицера-сигнальщика не только корабля, но и адмиральского штаба. В порядке особого поручения на меня возложили и командование судовым оркестром, дирижером которого был известный музыкант Поллингер. Любовь к музыке, унаследованная мной от матери, сделала эту обязанность ничуть не обременительной.

В качестве офицера-сигнальщика мне также приходилось заниматься подготовкой сигнальщиков, которые обучались в школе унтер-офицеров. А кроме того, капитан Плахте поручил мне в этом походе делать для экипажа и офицеров корабля исторические и тактические обзоры портов, которые нам предстояло посетить. Это поручение пришлось мне особенно по душе – оно давало возможность изучить историю страны и особенности населяющего ее народа, что, несомненно, расширяло мои знания.

После завершения переоснащения в Вильгельмсхафене «Германия» проследовала прямо в Киль, чтобы принять на борт контр-адмирала принца Генриха. Кайзер тоже прибыл с ним, чтобы лично проводить нас. На торжественном банкете по случаю проводов в Кильском замке, говоря об указаниях, данных принцу Генриху на время этого похода, кайзер употребил выражение «бронированный кулак». Это выражение было воспринято за границей как оскорбление, в особенности в Англии, где оно стало поводом для множества иронических комментариев.

На следующий день, 7 декабря 1897 года, «Германия» отправилась в дальний путь, а кайзер проводил нас вплоть до Рендсбурга. В его свите были принцы – его старшие сыновья, а также граф фон Бюлов, министр иностранных дел, контр-адмирал Тирпиц и граф цу Ойленбург, лорд Чемберлен. Простившись с остальными на мосту в Рендсбурге, кайзер в сопровождении фон Бюлова и фон Тирпица направился во Фридрихсруэ, чтобы навестить там принца Бисмарка, бывшего канцлера, находившегося уже в весьма почтенном возрасте.

В кильватере «Германии» следовал крейсер «Гефион», движение в проливе Ла-Манш в штормовую зимнюю непогоду держало в напряжении всех, находившихся на мостике корабля. Надо сказать, что пролив Па-де-Кале мы проходили в такой туман, что остались незамеченными английской эскадрой, которая поджидала нас, чтобы воздать почести принцу Генриху. Они восприняли это как специфическую морскую уловку. Наши корабли бросили якорь в Портсмуте, откуда принц Генрих направился в Лондон с визитом к своей бабушке королеве Виктории.

Сочельник мы отметили в Бискайском заливе среди бурных волн. Принц Генрих почтил офицеров корабля своим присутствием со всем штабом на праздничном вечере в офицерской кают-компании. В ознаменование этого события он сделал кают-компанию подарок – серебряный «loving cup»⁶, из которого и сделал первый глоток. Поднимая его, он в качестве тоста произнес поговорку «Север или юг, запад или восток – а дома лучше!». Передавая его следующему, он потребовал, чтобы каждый из сотрапезников, которому предстоит пить из него, последовал его примеру. Естественно, что старшие по званию, которые пили из кубка первыми, быстро использовали все знакомые тосты и поговорки, так что нам, молодым лейтенантам, когда очередь дошла до нас, пришлось попотеть, вспоминая что-нибудь подходящее к случаю. Поскольку этот обычай стал в кают-компании постоянным, мы, младшие офицеры, ворошили горы покупаемых для кают-компаний газет и журналов, разыскивая на их страницах подходящие для произнесения в качестве тостов стихи или эпиграммы.

Отношения между адмиральским штабом и офицерами корабля обычно бывали напряженными, на «Германии» же они отличались необычайной сердечностью. Старшим офицером штаба был граф фон Шпее, которому в 1914 году предстояло обрести лавры победителя в качестве командующего германской эскадрой в битве при Коронеле⁷, а вскоре после нее погибнуть у Фолклендских островов. Личным советником принца Генриха был капитан-лейтенант Георг Мюллер, пожалованный позднее дворянством. Он исполнял обязанности министра двора и старшего политического советника кайзера, находясь во главе Императорского тайного совета. Один из судовых врачей, лейтенант Олофф, стал впоследствии профессором университета и ведущим окулистом в Киле, а после Первой мировой войны обрел всегерманскую известность.

Порядки на борту «Германии» устанавливал сам принц Генрих. Благодаря своему личному обаянию, соединенному с опытом морехода, он без какого-либо усилия очаровывал всех вокруг. Во многих аспектах моделью для организации военно-морского флота ему служил британский ВМФ, и ему нравилось общаться с британскими флотскими офицерами и британскими армейцами в портах, в которые мы заходили. Именно с его легкой руки германские морские офицеры стали носить заостренные бородки, если они вообще обзаводились этим мужским украшением.

Будучи справедливым и внимательным к своим подчиненным, он мог быть и чрезвычайно раздражительным, грубым, если нарушались требования судового этикета или официальная церемония шла наперекосяк в присутствии иностранных кораблей или их офицеров.

Помещения для младших офицеров на «Германии» нельзя было, не покрывив душой, назвать чересчур комфортабельными. Мы размещались по два человека в каютах, которые находились глубоко под палубой и в непосредственной близости от машин и котлов. Единственный иллюминатор каюты находился столь невысоко над ватерлинией, что его нельзя было открывать даже во время стоянки в порту. В результате я вплоть до прибытия в Гонконг предпочитал спать не в каюте, а в гамаке, подвешенном на оружейной палубе.

⁶ «Loving cup» можно перевести как «здравный кубок», традиционно – очень большой кубок, обычно с двумя ручками, из которого пьют по кругу все сидящие за столом во время праздничного обеда.

⁷ Коронель – порт на побережье Чили, где 1 ноября 1914 г. состоялось морское сражение между английской и германской эскадрами, во время которого германские моряки одержали убедительную победу.

Надо еще упомянуть о том, что наши древние паровые машины то и дело выходили из строя, что было предметом постоянного беспокойства старшего механика капитана 3-го ранга Пааше, которому вместе со своими механиками приходилось изрядно потеть в жаре машинного отделения.

Первая из этих поломок задержала на несколько дней наше прибытие в Гибралтар.

Именно в Гибралтаре принц Генрих в разговоре с британскими адмиралами – своими давними друзьями – узнал причину своего довольно сдержанного приема в Англии, причем даже со стороны королевы. Британцы были раздражены речью кайзера с упоминанием «бронированного кулака».

Из Гибралтара мы проследовали через Средиземное море, Суэцкий канал и Красное море до Адена. Здесь я заменил капитан-лейтенанта Мюллера в качестве личного советника принца во время официального визита к губернатору Адена, а также во время торжественного обеда, данного губернатором в честь принца.

Во время перехода в Индийском океане не утихал шторм, что было особенно неприятно на фоне постоянных поломок наших машин. Для их починки нам пришлось на несколько дней зайти в Коломбо. Эта остановка, впрочем, дала нам возможность познакомиться с прекрасной тропической природой острова Цейлон.

Накануне нашего отхода мы с удивлением получили запрос от русских военных кораблей «Сысой Великий» и «Наварин», стоявших в этот момент на рейде, с просьбой разрешить им следовать вместе с нашей эскадрой во время перехода в Сингапур. Они явно получили указание из Санкт-Петербурга сделать этот жест с целью произвести определенный эффект на британцев. Последующий переход в одной компании с этими кораблями обогатил меня и моих сигнальщиков не только бесценным опытом обмена информацией с иностранными судами, использующими другой язык, но также наглядно дал нам понять размеры влияния, которое приобретут военно-морские флоты в грядущих национальных стратегиях мировых держав.

В Сингапуре находилась большая и гостеприимная германская колония, и наше пребывание в этом порту позволило нам узнать изнутри этот центр Британской империи, раскинувшейся по всему земному шару. Все это, а также другие впечатления и опыт, обретенные мною на Востоке, в значительной степени десятилетия спустя помогли мне понять психологию японцев и их операции во Второй мировой войне.

Именно в Сингапуре до нас дошли известия о принятии первого Военно-морского устава и реорганизации Верховного командования военно-морских сил. Ныне место Верховного командования военно-морских сил занял адмиралтейский штаб. Его полномочия были предусмотрительно ограничены прежде всего обобщением и оценкой информации об иностранных военно-морских флотах – другими словами, военно-морской разведкой – и разработкой стратегических планов и тактическим планированием. Истинные же функции управления самим флотом и стратегией его развития переходили теперь в руки имперского военно-морского министра, на должность которого был назначен сам контр-адмирал фон Тирпиц. Эта реорганизация, однако, была чревата опасностью того, что новое управление будет верстать свои планы без должного учета практического опыта флотских команд. Поскольку кайзер, хотя и уделявший громадное внимание военно-морскому флоту, не имел профессионального морского образования и флотского опыта, представлялось совершенно необходимым существование совета при министерстве, состоявшего из опытных адмиралов.

Следующий переход привел нас в важную британскую базу Гонконг, где нам снова пришлось воспользоваться возможностями ее верфи для ремонта машины и паровых котлов.

В Гонконге мы первым делом познакомились с британской Дальневосточной эскадрой под командованием адмирала сэра Эдуарда Сеймура⁸. Командиром британского флагманского корабля «Центурион» был капитан 1-го ранга Джон Джеллико⁹, впоследствии главнокомандующий британским Гранд-флотом¹⁰ в ходе Первой мировой войны.

В тот период Гонконг представлял собой бурлящий центр международной политики. Вот-вот предстояло разразиться испано-американской войне, и в порту стояла американская эскадра под командованием капитана 1-го ранга Дьюи, лихорадочно делая последние приготовления для вмешательства в зреющий конфликт на Филиппинах. Британцы и русские яростно оспаривали друг у друга аренду баз в Китае в качестве утешительного приза за Циндао, который только что заполучила Германия.

Во время нашего пребывания в Гонконге мы не только любовались живописными окрестностями и посещали семьи живущих здесь немцев, но и побывали с дружескими официальными визитами на многих иностранных военных кораблях, стоявших в порту.

Лично для меня кульминацией пребывания в Гонконге стала поездка вверх по реке (Сицзян) в древний Кантон¹¹, которую я совершил в качестве члена штаба принца Генриха. Путешествие вверх по реке заняло целый день, но даже при дневном свете не была исключена возможность нападения на нас речных пиратов.

В мае 1898 года мы наконец достигли пункта нашего назначения – Циндао. Здесь мы имели возможность наблюдать интереснейшую военную, военно-морскую и культурную жизнь, энергично развивающуюся под руководством губернатора капитана 1-го ранга Джешке.

Циндао был не просто нашей базой; он был пунктом, откуда мы наносили визиты в другие порты и страны. Одним из первых и самых интересных был сделанный нами в мае визит к императору Китая. Мне опять выпало счастье сопровождать принца Генриха в составе его свиты. После тряской и неудобной Тонкинской дороги мы проделали железнодорожное путешествие до Пекина через Тянь-цзинь – долгую поездку в течение всего дня по линии, охранявшейся китайскими солдатами, чьи угрюмые лица, однако, не внушали нам чувства безопасности.

В Пекине нам предложили пересесть в паланкины, в которых, на плечах носильщиков, нам предстояло проделать путь в европейский сэттлмент. Здесь принц Генрих и капитан-лейтенант Мюллер сразу же были приглашены в гости к послу барону фон Хейкингу и его жене, впоследствии прославившейся как автор знаменитой книги «Письма, которые он так и не получил».

Следующие дни были заполнены знакомством с достопримечательностями Пекина, в том числе с Запретным Городом с его знаменитым храмом Неба – любезность, оказанная принцу Генриху в числе очень немногих. Особенно мне запомнился официальный банкет,

⁸ Пару лет спустя адмирал Сеймур командовал соединенными международными экспедиционными силами, которые освобождали дипломатический квартал в Пекине, осажденный участниками Боксерского восстания. Капитан Джеллико отличился в ходе этой операции, наравне с германским капитаном ВМФ фон Узедомом. (*Примеч. авт.*)

⁹ *Джеллико Джон Раисуорт* (05.12.1859, Саутхемптон, – 20.11.1935, Лондон) – граф, английский адмирал флота (1919). На флоте с 1872 г. Окончил морской колледж (1884), участвовал в колониальных войнах против Египта (1882) и Китая (1900). С 1913 г. – 2-й морской лорд. Во время Первой мировой войны в 1914–1916 гг. – главнокомандующий Гранд-флотом (Большим флотом), которым руководил в Ютландском сражении 1916 г. С декабря 1916 г. до конца 1917 г. – 1-й морской лорд. Под его руководством была начата активная борьба с германскими подводными лодками. С 1920 г. – губернатор Новой Зеландии, с 1925 г. в отставке.

¹⁰ Гранд-флот – имя, которое за всю морскую историю Великобритании было два раза присвоено флотам, собранным для ведения войн: 1) во время двух войн против Франции – в революцию (1793–1801) и в войну с Наполеоном (1803–1815) и 2) в период Первой мировой войны (1914–1918).

¹¹ Современное название – Гуанчжоу.

данный в нашу честь французским послом месье Пичоном, ставшим впоследствии министром иностранных дел Франции.

Главным событием недели стал визит принца Генриха к молодому китайскому императору и императрице-матери, который состоялся в их летнем дворце, расположенном в нескольких часах езды верхом от столицы. Кому-то пришла в голову счастливая мысль заблаговременно отправить вперед для обеспечения нашей безопасности подразделение морской пехоты под командованием лейтенанта Роберта, имевшееся при нашем посольстве, поскольку большая толпа, встретившая нас у ворот дворца, выглядела отнюдь не дружелюбно.

Прежде чем войти во дворец, мы сменили наши костюмы для верховой езды на полную парадную форму. Затем принца Генриха внесли в пределы дворца в паланкине, а мы последовали за ним своим ходом.

Император встретил принца стоя, затем попросил его присесть для беседы – честь, которая никогда ранее не была оказана представителю иностранного государства. После того как принц передал императору привезенные подарки и награды, император лично проводил его в сад для представления вдовствующей императрице – это еще одно исключение, сделанное для принца Генриха.

После обеда император нанес принцу ответный визит. Во время церемоний, связанных с этим визитом, произошел случай, весьма характерный для того напряженного периода, непосредственно предшествующего Боксерскому восстанию. Для отдания почестей императору около храма был выстроен почетный эскорт из морских пехотинцев. В качестве особого знака внимания принц велел начальнику эскорта показать приемы владения оружием. Металлический лязг примыкаемых штыков и хлопки ладоней о приклады, похоже, впечатлили почетного гостя, к тому же принц отдал приказ командиру взвода выполнить уставную команду «Зарядить оружие!».

К его изумлению, лейтенант Роберт прошептал: «Это невозможно, ваше высочество!» Затем, отвечая на хмурый взгляд принца, лейтенант шепотом пояснил: *«Винтовки заряжены боевыми!»*

После того как демонстрация закончилась – к явному облегчению императора, – лейтенант Роберт объяснил принцу Генриху, что он принял предосторожности и велел зарядить винтовки эскорта на случай каких-либо выходов толпы, собравшейся вокруг нас и смотревшей на представление довольно сумрачно.

Вслед за Пекином мы посетили Порт-Артур и Вэйхай. В Порт-Артуре русские еще вовсю возводили укрепления, но все же дали большой торжественный прием в честь германского принца. В Вэйхае же ничего, напротив, не строилось, было похоже на то, что британцы арендовали этот порт только в ответ на русскую базу, располагавшуюся как раз напротив, по другую сторону узкого пролива.

Вскоре после этого принц Генрих смог удовлетворить свое давнее желание посетить Японию. Офицеры и команда получили возможность познакомиться с прекрасными японскими ландшафтами и восхитительной японской цивилизацией, поскольку в те времена старые постройки, мебель и обычаи еще не были испорчены «вестернизацией».

В последующие месяцы состоялись еще несколько наших визитов в Японию, в один из которых принц Генрих был официально принят японским императором. За те несколько поездок, которые я сделал в японскую глубинку, мне посчастливилось рассмотреть жизнь этой страны изнутри.

Побывали мы и в Корее, в то время еще независимой. Именно там, в порту Пусан, 1 августа 1898 года до нас дошла весть о кончине престарелого экс-канцлера принца Отто фон Бисмарка. Выстрел пушки, обозначивший скорбную минуту молчания для всех германских

военно-морских судов, стоящих в порту, эхом отдался в окружавших бухту изумрудно-зеленых холмах, явив здесь, в этой далекой чужой стране, всю глубину германской скорби.

Порт-Артур был не единственным русским портом, в который мы заходили. Мы совершили переход вдоль протяженного побережья Сибири, побывав не только в большой военно-морской базе Владивосток, но также и в Корсакове, русской колонии для ссыльных преступников на острове Сахалин, и в Александровске, на восточном побережье Сибири. Два последних места, похоже, представляют собой традиционно русские поселения, Владивосток же, напротив, в сравнении с ними выглядит совершенно европейским городом. Будучи здесь, принц Генрих, очевидно выполняя полученные дома инструкции, завязал дружеские отношения с русским военным и флотским командованием. Когда русские были приглашены на борт «Германии», я имел случай продемонстрировать им 240-миллиметровые башенные орудия, хотя был уже поздний вечер.

И разумеется, мы всегда с большим удовольствием совершали многочисленные поездки в Шанхай, где находилась большая международная колония и царили совершенно европейская жизнь и порядки.

В это время уже вовсю шла испано-американская война. Сразу же после ее начала вице-адмирал фон Дидерихс, командовавший германской эскадрой, отправил в филиппинские воды несколько крейсеров, в том числе «Императрицу Августу». Их появление вызвало подозрения в недружественных намерениях у американского коммодора Дьюи, который было решил, что они появились здесь с враждебными целями. Верно, что симпатии многих немцев были на стороне Испании, как более слабого противника, но у нас не было ни малейшего намерения нарушить существовавший нейтралитет. Демонстрируя это, адмирал фон Дидерихс вскоре отозвал большую часть кораблей из филиппинских вод.

С чисто профессиональной точки зрения нам оставалось только восхищаться ошеломляющим превосходством прекрасно обученного современного американского флота над устарелыми испанскими кораблями, так ярко проявившимся в сражении в бухте Манилы.

С самого нашего выхода из Германии я занимался подробным изучением Филиппинских островов, интерес к которым возник у меня благодаря личному знакомству с профессором Блюментриттом, крупным германским экспертом по этим островам. С этой целью я самостоятельно выучил испанский язык и опубликовал часть своих изысканий в статье под названием «Восстание филиппинцев против испанского владычества». Своевременность этой работы была одобрена капитаном Плахте и самим принцем. Так началась моя деятельность в качестве писателя.

В конце 1898 года периодическое переназначение офицеров военно-морского флота привело к значительным изменениям в Дальневосточной эскадре. Капитан-лейтенанта графа фон Шпее сменил капитан 3-го ранга Хинтце, который позднее стал полномочным послом при русском царе и, в конце концов, будучи в составе министерства иностранных дел, в 1918 году занял пост министра. Но лично для меня самой значительной переменой стало назначение капитана 3-го ранга Мюллера командиром «Германии» и назначение меня его помощником. При всей своей требовательности он предоставлял мне значительную свободу действий и с тех пор стал моим другом-покровителем, оставшись им даже тогда, когда, уже как адмирал фон Мюллер, он стал во главе военно-морского министерства.

В этом качестве он был доверенным советником кайзера в течение всех трудных дней Первой мировой войны и стал мишенью изрядной критики морских офицеров. Я не устал защищать его и оставался его близким другом до самой его смерти.

В конце 1898 года мы также были взволнованы еще одним известием: нам предстояло встать для ремонта на верфях Гонконга и ожидать там прибытия супруги принца Генриха, принцессы Ирены, которую должен был доставить сюда пароход германского «Ллойда».

Прибытие принцессы стало поводом для целого урагана застолий и официальных мероприятий: губернатор, британские офицеры, различные клубы и члены германской колонии старались заполучить ее в свое общество. Богатый германский бизнесмен Симссен предоставил свою виллу в распоряжение августейшей четы. На эту виллу каждый день приглашалась на обед избранная компания офицеров «Германии». Первого января 1899 года была отслужена великолепная служба в лютеранской церкви Гонконга в честь принца, принцессы и экипажа «Германии». Во время этой службы прозвучало «Ларго» Генделя, исполненное на органе под аккомпанемент скрипки, на которой играл сам Поллингер.

Одним из результатов поражения Испании в испано-американской войне стало то, что Испания продала Каролинские и Марианские острова, а также другие еще остававшиеся у нее владения в Тихом океане Германии. Когда принц Генрих принял командование над Дальневосточной эскадрой у адмирала фон Дидерихса, он взял в свой штаб несколько офицеров эскадры и предпринял серию штабных учений, основной целью которых было установить оптимальные действия эскадры, если бы она вдруг оказалась застигнутой на Востоке неожиданной войной с Англией. Действуя в качестве одного из руководителей противостоящего «британского командования», я выдвинул теорию, что в этом случае германская эскадра могла бы собраться у Марианских островов, а затем затеряться на безграничных просторах Тихого океана для действий против неприятеля. Эти учения стали первыми из целой серии военных игр, на которых впоследствии была основана реальная стратегия германского соединения крейсеров, действовавшего на Тихом океане в 1914 году.

Офицерская ротация коснулась также и меня. Мне было предписано вернуться домой на регулярном лайнере германского «Ллойда», но мне удалось, вместе с еще двумя офицерами, получить разрешение проделать этот путь на французском пароходе «Сидней», который отправлялся в Марсель. По дороге мы сделали заходы в Сайгон, расположенный во Французском Индокитае, и в Джибути, во Французском Сомали, что расположен у южного входа в Красное море. Я познакомился и подружился с несколькими молодыми офицерами французского военно-морского флота, которые сели на пароход в Сайгоне. Даже с учетом всех этих заходов я оказался дома быстрее, чем мог бы добраться туда лайнером «Ллойда».

На суше и на море, 1901—1905 годы

После двух лет, проведенных в море, и сорока пяти дней отпуска у моих родителей в Грюнберге я получил назначение в 1-й флотский экипаж в Киле, сначала в качестве командира взвода, а позднее вторым адъютантом командующего.

Флотский экипаж того времени отвечал не только за набор в военно-морской флот, но и за первичную подготовку новобранцев по общевоинской программе. Одновременно он служил центральной военно-морской базой для всех матросов, зачисленных на флот, но не расписанных по кораблям. Технический экипаж выполнял аналогичные функции в отношении всего технического персонала.

Помимо подготовки новобранцев в Киле в мои обязанности входила и разработка новой инструкции по такой подготовке. Однако у меня оставалось время еще и для того, чтобы посещать занятия по русскому языку, организованные в военно-морском училище в Киле. Занятия эти позволили мне приобрести хорошую базу, ставшую основой для последующего совершенствования в этом важном языке.

В системе флота того времени так называемые резервные суда использовались только в случае маневров и обслуживались командами, базировавшимися обычно на берегу. В звании лейтенанта я был вахтенным офицером на корабле «Эгир», участвовавшем в этих маневрах. Летом же 1901 года я получил назначение на корабль «Грилл» в качестве старшего помощника командира. Корабль этот в летний период служил посыльным судном для адмиралтейства, а на время учений стал посыльным судном флота и репетицией сигналов.

Это назначение дало мне великолепную возможность изучить побережье, в особенности острова Северного моря. Важное значение этим маневрам придавало присутствие на них адмиралов фон Кестера, Томсена, начальника артиллерийской подготовки адмирала Бройзинга и других. По завершении маневров 1901 года в бухте Данцига состоялся смотр флота, на котором присутствовал русский царь.

Встреча двух императоров прошла гладко, и кайзер Вильгельм в ознаменование ее дал право всем офицерам германского военно-морского флота носить кортик на черном пояском ремне при повседневной форме одежды. Ранее такое ношение, бывшее обычным в русском военно-морском флоте, входило в состав формы германских гардемарин. В ответ царь, которому понравилась широкая фуражка офицеров германского флота, ввел своим указом ее в качестве формы одежды русских ВМФ.

После завершения маневров 1901 года закончилась и моя береговая служба. Я получил новое назначение, уже в качестве вполне оперившегося вахтенного офицера, на линкор «Кайзер Вильгельм Великий». Я был в восторге от этого назначения, поскольку два года службы на крупном корабле или на торпедном катере считались совершенно необходимым этапом в карьере офицера флота, равно как и предпосылкой для назначения в военно-морское училище или на штабную работу того или иного уровня. Мой энтузиазм был велик еще и оттого, что мой новый корабль был также флагманским кораблем принца Генриха, возвратившегося с Дальнего Востока и ставшего теперь командующим 1-й бригады линкоров.

Ушли в прошлое старые, беззаботные дни приятных странствий и мирной рутины; каждый старался проявить себя как можно лучше. Адмирал Тирпиц наметил нам путь, и мы посвятили себя его строгому выполнению.

Каждый учебный год начинался 1 октября, когда каждый третий из экипажей, завершивший свою трехлетнюю службу, заменялся новыми рекрутами. Срок этот был также увязан с очередной заменой офицеров и унтер-офицеров, которые, однако, меняли места службы на двухлетней основе.

Начиная с 1901 года новобранцы, вместо прохождения шестинедельной общевоинской подготовки на берегу, в морской бригаде, проходили эту подготовку и приобщались к корабельной жизни сразу на самих судах. Этот новый прием давал возможность командующим ими офицерам начинать готовить их по различным боевым специальностям уже в декабре, что позволяло им стать классными специалистами значительно раньше.

Всесторонняя и обширная боевая подготовка, включающая борьбу за живучесть корабля, во время которой создавалась обстановка близкая к боевой, начиналась после Рождества. Быстрые и эффективные действия на боевом посту требовались от каждого, и при разборе занятий все офицеры и новобранцы должны были изложить свои идеи и подкрепить их логикой рассуждений. Такая интенсивная подготовка, в сочетании с последующим разбором действий, заставляла любого находящегося на борту человека чувствовать ответственность и в значительной степени определила надежность нашего военно-морского флота в Первую мировую войну.

Этот учебный период завершался боевым смотром, проводимым лично командующим эскадрой, который и определял рейтинг кораблей. Как следствие, конкуренция среди экипажей была высока, как и во время учебных стрельб, когда команды боролись за приз, вручаемый кайзером. Целью учреждения этого приза было желание улучшить артиллерийскую подготовку экипажей. Но в своем желании завоевать этот приз артиллерийский офицер старался выполнить стрельбы при самых благоприятных для него условиях, что прямо расходилось с общей идеей, – так что с некоторого времени подобные соревнования прекратились.

Хотя индивидуальная боевая подготовка всех кораблей заканчивалась в апреле, артиллерийские и торпедные учебные стрельбы продолжались до середины года. В летний период подготовка должна была бы по идее предшествовать боевой, но сложившийся порядок позволял как можно скорее подготовить корабль к походу и бою.

В октябре, к несчастью, я имел неосторожность изрядно повредить колено, упав с корабельного трапа. Во время вынужденного бездействия я написал статью «Совместные действия армии и флота в Крымской войне», которая была опубликована в «Новой военной газете».

Вернувшись к своим обязанностям после излечения, я обнаружил, что «Кайзер Вильгельм Великий» поставлен на ремонт, а его команда переведена на «Кайзер Фридрих III». Новый флагманский корабль эскадры возглавил летний поход в район Оркнейских островов, с последующими заходами в ирландские порты, откуда я получил возможность съездить в Дублин. Следующий учебный год был похож на предыдущий, за исключением того, что летний поход мы совершили в порты Испании.

Строгая программа подготовки, смотров и походов, от которой не позволялось отклоняться ни на йоту, привили людям навык механического выполнения необходимых действий, но неизбежно вытравляли любое проявление самостоятельности или независимого мышления со стороны офицеров. Со временем в программу подготовки внесли коррективы, призванные сделать ее более гибкой и разнообразной.

В 1902-м и 1903 годах подготовка 1-й бригады была посвящена дальнейшему совершенствованию боевой тактики эскадры. Передача команд посредством визуальных сигналов и отработка быстрого выполнения приказов о смене скорости и курса в суровых боевых условиях были важной частью боевой подготовки. Незачем говорить, что я участвовал во всех этих учениях и экспериментах с величайшим энтузиазмом, поскольку я выбрал этот предмет в качестве темы своего обзора для поступления в военно-морскую академию. Этот обзор мой командир сопроводил подробным докладом о моих технических талантах и выполнении мной служебных обязанностей. Должно быть, эти документы были сочтены удовлетворительными, потому что мне было приказано приступить к занятиям в военно-морской академии с 1 октября 1903 года.

Военно-морская академия в Киле была основана при генерале фон Штоше, но, не в пример армейской академии, она была создана отнюдь не с единственной целью подготовки офицеров Генерального штаба. Как раз наоборот, Тирпиц развил и превратил ее в общеобразовательное заведение для усовершенствования специалистов, уже имеющих образование и опыт службы на флоте, для подготовки к будущей работе в адмиралтействе, военно-морском министерстве либо на тех или иных высоких штабных должностях. Таким образом, никогда не предполагалось создавать особый корпус «офицеров адмиралтейства», что шло только на пользу флоту: корпус особо избранных специалистов-командиров, в отличие от армейского Генерального штаба, не нужен военно-морскому флоту, в котором командир неизбежно лично ведет корабль в бой. Совершенно необходимо, чтобы такой командир был опытным моряком, способным быстро оценить ситуацию с мостика своего корабля, принять верное решение и затем воплотить это решение в действие, отдав тактически верные приказы. Лишь офицер, уже доказавший свои способности к лидерству в качестве командира корабля, может преуспеть во флотском командовании или на службе в штабе адмиралтейства.

Учеба в военно-морской академии была рассчитана на два года, в одной группе обычно насчитывалось около 15 офицеров. Среди моих соучеников оказались офицеры, которые позднее отличились в Первой мировой войне: капитан 3-го ранга Карл фон Мюллер, например, потом командовал «Эмденом»; фон Шёнберг, которому судьба уготовила гибель на его корабле «Нюрнберг» в битве при Фолклендских островах; капитан 3-го ранга Бауэр, впоследствии возглавивший техническое обслуживание подводных лодок; и капитан 3-го ранга Зеебом, командовавший «Ариадной» и погибший в ожесточенном сражении с превосходящими силами эскадры британских крейсеров 28 августа 1914 года, в первом настоящем боевом столкновении противоборствующих держав.

Среди основных учебных курсов в военно-морской академии были военно-морская история, военно-морская наука и военно-морская тактика. Планирование военно-морских операций преподавал капитан 1-го ранга Бахман, впоследствии возглавивший адмиралтейство. К обязательным также относился и курс международного права, изучение высшей математики и физики. Профессор Поххаммер из Кильского университета своими блестящими лекциями и семинарскими занятиями мог донести премудрости дифференциального и интегрального исчисления даже до самых тупых слушателей.

В качестве факультативов нам преподавались география, всемирная история и океанография. Когда в большой аудитории военно-морской академии читал свой курс средневековой и современной истории профессор Роденберг, то свободного места в аудитории найти было невозможно. В популярности с ним мог соперничать разве только профессор Крюмбель, читавший лекции по географии.

Каждый офицер должен был выучить по крайней мере один иностранный язык, и к нашим услугам были курсы английского, французского, испанского и русского языков. Поскольку я уже владел французским и английским, я выбрал русский язык, который и изучал под руководством профессора Цильке. Испанский язык в то время считался куда менее важным, чем ныне, но я все же стал изучать его самостоятельно у себя дома.

Каждый год с 1 июля до 30 сентября мы отправлялись за границу, чтобы совершенствоваться в избранном нами языке. Я выбрал поездку в Россию.

Россия с февраля 1904 года находилась в состоянии войны с Японией. Русская пресса, равно как и жизнь в двух столичных городах, Москве и Санкт-Петербурге, представлялись весьма интересными. Благодаря капитану 1-го ранга Хинтце, моему старому товарищу по Востоку, который в эту пору был нашим военно-морским атташе, я был принят в лучших русских семьях, что дало мне несравненную возможность достичь хорошего уровня в освоении языка.

Помимо изучения статей о войне в русской прессе, я был поражен зрелищем проводов на маньчжурский фронт русских полков. Убывающие туда офицеры зачастую устраивали прощальные вечеринки в кафе или в других общественных местах увеселений, что вряд ли соответствовало серьезности ситуации.

В период моего пребывания в России у императорской четы родился долгожданный наследник трона, что вызвало подлинный восторг народа, хотя зрелище вывешенных по этому случаю с домов праздничных флагов заставляло подозревать вмешательство полиции.

Каждый офицер, заканчивающий годичный курс в военно-морской академии в Киле, должен был завершить учебу написанием соответствующей курсовой работы. В конце первого года обучения я подготовил работу по курсу международного права на тему «Нападение без объявления войны». К изумлению моих соучеников и преподавателей, а больше всего – к моему собственному, буквально через несколько дней после завершения этой работы разразилась Русско-японская война, начавшаяся неожиданным нападением японских торпедных катеров на русскую эскадру в Порт-Артуре. Другая статья, написанная мною в этом году на тему «Экономическое и военно-политическое положение США на Тихом океане», привлекла внимание профессора Крюммеля.

На втором году обучения я опубликовал одну статью по проблемам, связанным с установлением морской блокады, также перевел на немецкий язык изданную во Франции книгу капитана 3-го ранга Рене Довиля, с которым я состоял в личной переписке.

Глава 2

Боевая подготовка в мирные дни

Проведя два в высшей степени плодотворных года в военно-морской академии, зимой 1905/06 года я получил назначение на броненосец береговой охраны «Фритьоф» в качестве штурмана. Суда береговой охраны входили в состав резервной эскадры на Балтике, так что новая служба оказалась для меня прекрасной подготовкой к моим последующим походам в качестве штурмана на крупных крейсерах. Но 1 апреля 1906 года я был переведен в информационный отдел по связям с общественностью военно-морского управления в Берлине.

Этот отдел, созданный в 90-х годах с целью подготовки первых официальных сообщений для печати по военно-морским делам, не имел ничего общего с военно-морской разведкой в широком смысле этого слова, то есть с тайными агентами, шпионажем и контрразведкой. По правде говоря, весь штат отдела состоял из его начальника, капитана 3-го ранга фон Хеерингена, и трех обозревателей, из которых я был самым старшим. В мои обязанности входило прочитывать и обобщать сообщения в иностранных газетах и журналах да редактировать наше собственное профессиональное издание «Marine Rundschau»¹², а также «Nauticus», ежегодное издание германского ВМФ. Второй обозреватель, капитан-лейтенант Бой-Эд, ставший позднее известным как атташе в Вашингтоне в 1917 году, осуществлял контакты с германской прессой и анализировал появляющиеся в них статьи и заметки. Профессор фон Халле, третий обозреватель, занимался вопросами экономики, представляющими интерес для военно-морского флота.

Адмирал Тирпиц как руководитель Имперского управления военно-морского флота проявлял личный интерес к прессе и появляющимся там комментариям относительно морских дел, так что это побуждало нас всегда быть как можно раньше и как можно шире в курсе развития всех важнейших событий. Среди прочих наших обязанностей была подготовка предложений для прессы относительно освещения в печати тех или иных тем. Таким образом мы, обозреватели, будучи всего лишь младшими офицерами, свели знакомства со всеми ведущими германскими журналистами. Более того, у нас были тесные личные контакты с адмиралом фон Тирпицем, который по другим вопросам общался только со старшим руководством отделов.

Одним из моих первых официальных визитов было посещение тайного советника Хаммана, всесильного пресс-директора администрации канцлера и министерства иностранных дел. Несмотря на свою загруженность работой, он выкроил время для меня, новичка в этой сфере, и познакомил с несколькими крупными специалистами в области экономики и колониальной политики. Так, например, доктор наук Пауль Ронбах, ученый с международным именем, написал впоследствии для «Marine Rundschau» и «Nauticus» много прекрасных статей.

Следующий визит я нанес Гельфериху в отдел колониальной политики, который снабдил меня весьма интересной информацией, в частности о Багдадской железной дороге и экономической политике Германии на Ближнем Востоке. Каждый год в июне, во время Кильской недели¹³, адмирал фон Тирпиц имел обыкновение подносить кайзеру последний номер «Nauticus», который тот прочитывал от корки до корки во время своего круиза по Скандинавии. Сдружившись с Гуго Якоби, я считал весьма удачным для журнала, когда этот всемирно известный журналист предложил написать обозрение международной политики для

¹² «Военно-морское обозрение» (нем.)

¹³ Кильская неделя – название парусной регаты.

выпуска за 1906 год. Но когда Якоби передал мне написанную им статью, я неожиданно понял, что по ряду причин она не соответствует требованиям нашего издания. Поскольку время поджимало, мне не оставалось ничего другого, как только переписать эту довольно щекотливую статью, используя данные Якоби как основу. К моему восторгу, он не имел никаких возражений против этого и, более того, согласился с моей версией изложенного.

Это были годы, когда читатели «*Marine Rundschau*» и «*Nauticus*» не ощущали недостатка в интересных материалах. Морские события Русско-японской войны только-только начинали появляться из-под покрыва военной секретности, и различные эпизоды войны на море, с разбором уроков, которые следовало вынести из них, стали предметом острого внимания. Японская морская блокада и законы международного морского права были темами споров наряду с другими общими проблемами морской войны на Дальнем Востоке. Много места в «*Nauticus*» уделялось законам ведения войны, которые были приняты на второй Гаагской мирной конференции 1907 года. Кроме этого, поскольку я владел как французским, так и русским языками, я переводил множество сообщений о французских и русских военно-морских силах для рубрик «Иностранные флоты» в «*Nauticus*» и «*Marine Rundschau*».

Редактирование этих двух изданий было ответственным делом, поскольку они в тот период считались официальными публикациями. Так, например, мы никогда не могли вдаваться в излишние подробности организации нашей собственной флотской жизни или вовлекаться в излишний критицизм, особенно по техническим вопросам. С другой стороны, при отсутствии по-настоящему ценной информации наши журналы могли бы вскоре потерять своих читателей – кадровых офицеров флота. Единственной возможностью обсуждать чисто технические вопросы было давать обзоры того, как они решаются в иностранных флотах, и хранить молчание относительно планов нашего ВМФ.

Интерес к дискуссиям в этих журналах был столь широк, что сам император Вильгельм написал статью для публикации в «*Marine Rundschau*» по теме дискуссии «Броненосцы или скоростные боевые суда?», подписав ее псевдонимом L. (Lehmann). Мысли, развитые в статье императором, прямо противоречили взглядам министра Тирпица, поэтому капитан 1-го ранга Хопман написал статью, доказывающую несостоятельность идей императора. Статья была опубликована, и ее автор ничем не поплатился за свою отчаянную смелость.

После выхода в свет каждый номер «*Nauticus*» доставлялся императору, его сыновьям и другим важным персонам, чтобы держать их в курсе нашей национальной военно-морской политики. Став редактором этих изданий, я направил резюме статей моего первого номера адмиралу Тирпицу с просьбой утвердить их для публикации. На следующий день, к моему изумлению, я получил приказ явиться к нему в Вильгельмсхафен для обсуждения статей лично с ним. Разумеется, я повиновался, хотя и с внутренней дрожью, поскольку приближался установленный типографией предельный срок для представления материалов и любые изменения могли привести к изрядным сложностям. Однако в ходе трехчасового строгого разбора содержания этих статей лично Тирпицем я сумел дать все необходимые пояснения и получил совершенное одобрение министра.

На следующий год я имел честь лично вручить императору его экземпляр «*Nauticus*» в присутствии адмирала Тирпица. Это произошло в ходе Кильской недели, когда император поднялся на борт нашего корабля, чтобы наблюдать учебную атаку первой германской подводной лодки. После того как я сделал подробный доклад о содержании этого ежегодного издания, император пожаловал меня орденом Красного орла IV класса – моей первой наградой.

В процессе выполнения своих обязанностей мне представился случай присутствовать на нескольких сессиях рейхстага и наблюдать нападки партии центра на германскую колониальную политику, а также защиту этой политики канцлером князем фон Бюловым. Именно политические споры по этому предмету привели к альянсу консерваторов и либералов и

повлияли на политику этих партий в ходе следующих выборов. Я слышал знаменитую речь князя Бюлова, после которой у него случился сердечный приступ прямо в здании рейхстага.

В 1907 году мне довелось непосредственно общаться с парламентариями, сопровождая их в ходе первой парламентской инспекции военно-морского флота. Этот шаг был предпринят для информации о положении дел рейхстага и бундесрата¹⁴, в частности бюджетного комитета. Группу парламентариев возглавлял сам Тирпиц. Командующий флотом принц Генрих Прусский приветствовал депутатов у трапа своего флагманского корабля «Германия» и сопровождал их во время учебных стрельб и тактических маневров, которые были приурочены к этому визиту. Результаты этого визита были столь успешными, что военно-морской флот стал с тех пор организовывать подобные мероприятия для делегатов ежегодно.

За время своей службы в отделе связей военно-морского флота с общественностью я сделал перевод половины русской эпопеи о войне на море «Расплата». Вторую половину книги перевел лейтенант Герке. Изучение этой весьма актуальной работы русского морского офицера капитана Владимира Семенова было частью общей подготовки каждого морского офицера накануне Первой мировой войны. Именно этот труд, «Расплата», снабдил Франка Тисса основными подробностями для его большой работы «Цусима».

Осенью 1908 года закончился третий год моей службы в отделе военно-морской информации, и я был назначен штурманом на бронепалубный крейсер «Йорк», входивший в состав разведывательных судов. Это было бесценное место для подготовки к будущему командованию. Штурман выступает в качестве советника командира, и мое рабочее место на мостике давало мне неповторимую возможность наблюдать все тактические упражнения. В отличие от линкора крейсер, решающий разведывательные и дозорные задачи, действует независимо, и его командир часто принимает самостоятельные решения.

Когда в 1909 году «Йорк» получил специальное задание, я был временно назначен на корабль его величества «Гильдебранд» в качестве флаг-штурмана эскадры на все время маневров. «Гильдебранд» был флагманским кораблем командующего эскадрой контр-адмирала Поля, известного своим тактическим умением и мастерским управлением кораблями, входящими в состав эскадры.

Теперь предметом моих стремлений было получить назначение штурманом на один из новейших крейсеров либо на флагман флота «Дойчланд» в качестве флаг-штурмана. К своему собственному изумлению, в конце 1910 года я был назначен штурманом на императорскую яхту «Гогенцоллерн». Для меня это стало не только сюрпризом, но и разочарованием, поскольку в течение нескольких лет мне предстояло заниматься деятельностью весьма далекой от флотской в истинном смысле этого слова.

Одной из причин моей неудачи в обретении службы флаг-штурмана явилось то, что на смену принцу Генриху пришел новый командующий флотом адмирал фон Хольтцендорф, который предпочел набрать свой штаб из лично известных ему офицеров.

Было бы несправедливо считать мое ответственное положение на «Гогенцоллерне» чем-то малоприятным, но я всем сердцем жаждал службы на флоте. Я никогда не тяготел к «придворной службе» с ее деспотичными социальными законами и этикетом, которые мне пришлось узнать по моей работе в Берлине. Так, например, когда я, морской офицер, получал приглашение на придворный бал, то не мог появиться там вместе с женой, поскольку она не принадлежала к дворянству.

Несколько лет подряд жизнь на «Гогенцоллерне» двигалась по одному и тому же ежегодному циклу. После зимнего ремонта в середине февраля яхта делала переход в Средиземное море, где принимала на борт в Венеции императорскую фамилию и доставляла ее на

¹⁴ Бундесрат (нем. Bundesrat) – Государственный совет.

Корфу. Там она вставала на якорную стоянку, а император, его семья и находившаяся при них свита переезжали на берег, где располагались в замке Ахиллеон. Ближе к концу апреля императорская фамилия снова поднималась на борт яхты для перехода через Мессинский пролив в Геную, в то время как придворные возвращались в Германию по суше.

В середине июня император мог снова взойти на борт яхты в Гамбурге, чтобы принять участие в парусных гонках в устье Эльбы, после чего проследовать Кильским каналом имени императора Вильгельма в Киль на Кильскую неделю.

Почти весь германский флот собирался в гавани Киля для участия в этом событии, и, как правило, сюда к этому времени приходили с визитами многие иностранные военные корабли. По завершении регаты император мог отправиться в свой традиционный ежегодный круиз по Скандинавии, который обычно завершался в Свинемюнде ближе к концу июля. В сентябре император довольно часто пользовался яхтой для участия в наблюдении за маневрами флота.

Разумеется, бывали и отклонения от этой традиционной программы. В 1911 году, например, император предпринял весеннюю поездку от Флушинга до Ширнесса в Англии, и тем же летом он воспользовался яхтой для приема эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника трона Австро-Венгрии. Следующим же летом он совершил на яхте круиз по балтийским портам Финского залива для встречи с русским царем Николаем II.

Как судно, «Гогенцоллерн» был куда скромнее того, чего можно было бы ожидать от императорской яхты. Его конструкция вполне заслуживает быть названной чудовищной. Имея необычно высокий надводный борт, в непогоду оно получало такой крен с борта на борт, что даже бывалые матросы с трудом могли перемещаться по палубе. Водонепроницаемые перегородки были ниже всяких требований безопасности даже для обыкновенного пассажирского судна, не говоря уже об императорской яхте. К моему неопишуемому удивлению, даже ее навигационное оборудование было совершенно антикварным; в то время как суда всего флота уже имели гирокомпасы, на борту «Гогенцоллерна» стоял только магнитный компас. При всем этом капитан судна, штурман и вахтенный офицер были ответственны за жизнь главы государства, не говоря уже о престиже страны.

Естественно, что капитан был выбран из числа офицеров, которых хорошо знал лично император – другими словами, из придворных кругов. Это было верно в отношении моего первого капитана на яхте графа фон Платена. Но его преемник капитан 1-го ранга Карпф не подходил под это определение ни по внешности, ни по манерам. Он был простым честным мекленбуржцем, излагавшим свои взгляды императору и императрице в открытой, хотя и тактичной форме и нисколько не стеснявшимся дать то или иное выразительное распоряжение императорским отпрыскам. Он был известным моряком в кругу яхтсменов, пользовался полным доверием императора и его семьи. И управлял «Гогенцоллерном» столь же уверенно, как и позже крейсером «Мольтке» в Ютландском сражении.

Круизы по Средиземноморью были полны официальными обязанностями, которые, к моему удовольствию, целиком ложились на плечи свитских. Напротив, во время Кильской недели преобладал дух спорта и морского товарищества. Император любил воспользоваться случаем и не только увидеть какое-нибудь новое оборудование в военно-морском флоте, но также и пообщаться с иностранными визитерами – в основном с владельцами яхт, с которыми он уже был знаком.

Во время круизов по Скандинавии обстановка на «Гогенцоллерне» была куда более приятной, чем во время других плаваний. Император отказывался от напыщенных церемоний и становился другим человеком – просто отдыхающим, совсем как любой другой турист во время своего отпуска. Я чувствовал, что во время этих круизов он становится собой, настоящим, с добрым сердцем, все понимающим, всем интересующимся, готовым доставить радость другим человеком. Судя по тому, что мне удалось увидеть и услышать, его

взгляды по политическим и военным вопросам были обоснованны и удачно выражены. Все это разительно отличалось от его чопорно-формального поведения во время официальных церемоний – возможно, вследствие неуверенности, а также некоторого тщеславия.

В своих бытовых привычках император был необычайно скромен; он употреблял весьма мало спиртных напитков и искренне предпочитал им фруктовые соки. Блюда императорского стола были весьма просты, даже когда присутствовали высокие гости.

Хотя обычный срок службы офицеров на «Гогенцоллерне» составлял три года, вице-адмирал Бахман, командующий рекогносцировочными силами, спросил меня, не соглашусь ли я на более ранний перевод на должность старшего офицера его штаба. Это предложение я принял с большой радостью, поскольку оно возвращало меня снова к той флотской деятельности, к которой я стремился, – разведывательная и дозорная служба в дополнение к сигнализации и управлению сражающимися подразделениями флота.

И все же я расставался с «Гогенцоллерном» с благодарностью в душе за службу на нем. За это время я имел счастье познакомиться со многими персонажами мировых событий, но больше всего – мне довелось узнать императора таким, каким он был на самом деле, а не каким его рисовал себе весь остальной мир.

Поднявшись на борт крейсера «Йорк», флагманского корабля рекогносцировочных сил, в сентябре 1912 года, я обнаружил, что вице-адмирал Бахман находится в отпуске. Поэтому я представился контр-адмиралу Хипперу, его заместителю. В дополнение к этой должности адмирал Хиппер непосредственно командовал легкими крейсерами, которые образовывали собой бригаду легких крейсеров. Тактическое командование рекогносцировочными силами, состоявшими из бронепалубных крейсеров и линейных крейсеров, находилось в руках самого вице-адмирала Бахмана в дополнение к общему командованию всеми рекогносцировочными силами.

По целому ряду причин рекогносцировочные силы находились в тот момент в низкой степени боеготовности. В процессе их модернизации устаревшие бронепалубные крейсера «Роон» и «Блюхер» заменялись линейными крейсерами «Фон дер Танн», «Мольтке» и «Гебен». Крейсер «Зейдлиц» не смог встать в строй ранее будущей весны, а «Дерффлингер» только в самом начале Первой мировой войны. Но, даже встав в строй, «Фон дер Танн» в первый год не мог принимать участия в походах из-за устранения множества недоделок, а «Мольтке» на несколько недель ушел на ходовые испытания, а потом отправился в учебное плавание в Северную Америку. А в самом конце 1912 года из-за политической ситуации линейный крейсер «Гебен» вместе с двумя менее крупными крейсерами был отправлен на Средиземное море. Позднее он, вместе с крейсером «Бреслау», составил Средиземноморскую эскадру.

Когда я начал службу на «Йорке», штаб¹⁵ адмирала Бахмана состоял из меня в качестве старшего офицера штаба, из моего близкого друга капитана 3-го ранга Клаппенбаха в качестве моего заместителя. Капитан-лейтенант Бритцель курировал минно-торпедное вооружение, а также был главным торпедистом «Йорка». Инженерную службу штаба возглавлял старший инженер Лемке, медицинскую – капитан-лейтенант медицинской службы Шольц, финансовую – капитан-лейтенант Блок. Штурманскую службу возглавлял капитан 3-го ранга Прентцель, бывший также старшим штурманом корабля. В состав штаба входили также два лютеранских капеллана и католический священник. Все это были молодые, преданные службе люди, хорошо приспособленные к флотской жизни и выполнявшие изрядную часть работы на борту корабля, в частности, во время войны.

¹⁵ После новых назначений штаб состоял из следующих офицеров: капитан 3-го ранга Франц и, позднее, капитан 3-го ранга Хансен в качестве заместителя старшего офицера; старший инженер Диффринг – начальник инженерной службы; капитан-лейтенант медицинской службы Хагенах – начальник медицинской службы штаба. Капитан 3-го ранга Прентцель позднее заменил меня на должности старшего офицера штаба рекогносцировочных сил. (Примеч. авт.)

Все офицеры штаба командующего рекогносцировочными силами прекрасно сработались и действовали как единая команда и тогда, и позднее, когда война удвоила рабочую нагрузку на каждого из них. Моя доля работы была несколько меньше, чем у других, за счет давно установившейся в рекогносцировочных силах традиции, согласно которой, в отличие от обычного штаба дивизиона кораблей, старший офицер штаба был официальным командиром других офицеров штаба, а не только «первым среди равных».

Когда я начал службу в рекогносцировочных силах, важным вопросом, обсуждавшимся буквально всеми, была грядущая реорганизация флотской службы.

До сих пор все корабли получали свою долю пополнения личного состава из новобранцев набора текущего года одновременно 1 октября. Это неизбежно на определенное время снижало боеготовность флота как единого целого. Теперь же было предложено, чтобы один из трех дивизионов получал всех своих новобранцев каждый октябрь, а два других дивизиона проводили относительно меньшую замену личного состава и были способны тем самым сохранять более высокий уровень боеготовности. В дополнение к этому командиры каждого из кораблей должны были получить гораздо большую независимость в вопросах подготовки и обучения личного состава. Кроме того, ожидалось гораздо большие возможности для дальних походов за границы Германии. Введение этой новой системы в 1913 году на линейных крейсерах «Кайзер», «Король Альберт» и крейсере «Страсбург», направленных в Южную Америку, было весьма обнадеживающе, но разразившаяся вскоре война положила конец дальнейшей разработке этой системы.

Другая проблема заключалась в замене устаревших бронепалубных крейсеров современными линейными крейсерами. В то время как устаревшими кораблями можно было бы рискнуть усилить рекогносцировочные и патрульные порядки, новые линейные крейсера, как основные боевые единицы флота, должны были быть отведены с позиций, уязвимых для ночных атак торпедных катеров. В результате этого новые дивизионы торпедных катеров, образовавшие теперь передовые линии рекогносцировочных сил, приобрели более значительную роль в решении этих задач, которые требовали быстрого и точного взаимодействия с крейсерами. В светлый период суток, разумеется, линейные крейсера, случись такая необходимость, выполняли рекогносцировочные задания в ходе любого боевого столкновения с вражескими линейными крейсерами. Подчинение торпедных катеров командующему рекогносцировочными силами обеспечивало комплексное выполнение рекогносцировки, а также противодействие вражеской рекогносцировке. И наконец, линейные крейсера выполняли вспомогательную функцию, действуя как «силы быстрого реагирования» во главе основных боевых сил флота в ходе крупных сражений.¹⁶

Значимость новых планов для тактического использования рекогносцировочных сил и в особенности боевых крейсеров была продемонстрирована в ходе военных игр 1912 года, когда вице-адмирал Бахман одержал убедительную победу над командующим флотом адмиралом фон Хольтцендорфом, который командовал противодействующими силами в условном сражении. Я до сих пор помню удовлетворение, с которым наш уважаемый командир получил это известие. Всю зиму он сильно страдал от ишиаса, почему ему приходилось буквально затаскивать себя на мостик корабля. Но в тот день наш начальник медицинской службы штаба доктор Шольц удивленно произнес, обращаясь ко мне: «Что случилось? Здоровье нашего адмирала просто поразительно! Все утро он совершенно не страдает от болей!»

¹⁶ Битва при Скагерраке стала подтверждением не только правильности использования линейных крейсеров для рекогносцировки во взаимодействии с легкими кораблями, но также и как передовых сил линейных кораблей в самые критические моменты сражения. (Примеч. авт.)

Зимние маневры 1912 года были последними, на которых германским флотом командовал фон Хольцендорф. Весной 1913 года командование флотом принял у него вице-адмирал фон Ингенол. Человек большого личного обаяния, прекрасный командующий эскадрой, новый командующий флотом, однако, был несколько медлителен в принятии решений и склонен излишне вдаваться в детали. Ко всему прочему он не отличался способностями к ясным и убедительным речам, которые внушали бы уверенность и энтузиазм. Однако он проделал выдающуюся работу по боевой подготовке нового, значительно увеличившегося флота, по внедрению тактических новаций и ввел систему управления боевыми порядками с одного или по крайней мере с двух сигнальных постов. Сигналы подавались с защищенного сигнального мостика и дублировались по радио.

Это обеспечивало одновременное исполнение приказа всем эскадрой быстроходных боевых крейсеров и давало возможность управлять ими автономно с удаленной позиции, что доказало свою ценность в грядущей войне. Большое внимание уделялось также тесному тактическому взаимодействию между боевыми крейсерами и торпедными катерами.

Появление на военно-морской сцене подводных лодок потребовало организации совместных учений с участием их и крейсеров в самом конце 1912 года. Легкие крейсера уже продемонстрировали свои возможности в качестве минных заградителей, так что учения по постановке минных полей также стали важной составной частью программы подготовки флота.

Боеготовность каждого отдельно взятого корабля была проверена в ходе серии строгих инспекций, проведенных в марте – апреле. Составной частью таких инспекций стали условные сражения между кораблями одного класса. Все фазы подобной борьбы, включая «полученные» удары и понесенный от них урон, затем тщательно разбирались. По ходу условного сражения инспектор мог неожиданно «вывести» из строя группу механизмов или линий связи либо объявить часть водоотливных средств «вышедшими из строя в результате вражеского попадания». Реализм подобных сражений возрастал от раза к разу, вплоть до того, что места «попаданий» вражеских снарядов посыпались черным порошком, который затем поджигался, чтобы симитировать огонь и дым настоящего сражения, а заодно проверить правильность борьбы за живучесть корабля и эффективность вентиляционной системы. Кстати, в ходе этих смотров впервые стала проверяться противоздушная оборона.

Чтобы избежать шаблонной ситуации, которую мог бы предвосхитить настоящий противник, штаб адмиралтейства старался изо всех сил, разрабатывая все новые и новые варианты сражений.

Нет необходимости упоминать о том, что командиры и команды инспектируемых кораблей трудились день и ночь, чтобы быть готовыми к любой ситуации. Не легче пришлось и адмиралу, прибывшему с инспекцией. В бригаде линейных крейсеров было четыре линейных крейсера и восемь легких крейсеров. Считая, что инспекция одного линейного крейсера проводилась за сутки, а одного легкого крейсера – за половину суток, получим, что адмиралу Бахману надо было трудиться восемь дней кряду с восхода до заката, чтобы провести инспекцию всей бригады.

Хотя адмиральский смотр дело весьма серьезное – вся карьера командира могла зависеть от положительного или отрицательного отзыва, – зачастую он не был лишен и юмористических сторон. Прибывший для инспекции адмирал и его штаб обычно обедали вместе с командиром инспектируемого корабля. Вполне естественно, что хозяин желал угостить своих гостей любимым блюдом адмирала, частью из вежливости, а зачастую для того, чтобы привести того в блаженное состояние духа. Столь же естественно, что командиры инспектируемых судов старались заблаговременно узнать вкусы начальства. В ходе одной из инспекций адмирал фон Хееринген вынужден был «наслаждаться» жареной телятиной на каждом инспектируемом корабле, поскольку кто-то распустил слух, что это его любимое блюдо.

Но куда больше не повезло адмиралу Хипперу. Поскольку он был баварцем, на всех кораблях его потчевали кнедликами с печенкой. Хотя они и в самом деле считаются коронным блюдом баварской кухни, случилось так, что адмирал Хиппер терпеть их не мог. Точно так же несколько позже адмирал Зенкер «лакомился» салмагунди¹⁷ по-лейпцигски на каждом корабле, который он инспектировал!

Поскольку военно-морское соперничество с Великобританией все усиливалось, командование флотом стало уделять большое внимание изучению опыта блокады. По приказу из штаба адмиралтейства осенние маневры флота в 1913 году были посвящены изучению военных действий при блокаде Гельголандской бухты. В прошлом германский военно-морской флот, основываясь на неверном определении традиционного британского отношения к военным действиям на море, исходил из предположения, что британский флот попытается атаковать и уничтожить германский флот даже в его собственных территориальных водах, тогда как германскому флоту, который слабее британского, остается лишь уповать на укрепления Гельгоlanda и минные поля в качестве укрытия от нападения британцев. К такому выводу приходили все вплоть до 1912 года, что я прекрасно запомнил по речи принца Генриха в бытность его командующим флотом. Сходились на том, что британцы предпримут «близкую» блокаду Гельгоlanda силами своего флота, хотя усилившаяся оборонительная мощь торпедных катеров, минных заграждений, подводных лодок и даже самолетов могла бы значительно увеличить опасность для блокирующих сил. Военные маневры 1913 года заронили в нас сомнения в истинности этого германского постулата, а к 1914 году мы уже были твердо убеждены, что британский флот не рискнет осуществить такую «близкую» блокаду, но ограничится блокадой «дальней». Более того, штаб адмиралтейства пришел к выводу, что в подобной «дальней» блокаде британский флот будет использовать Скапа-Флоу¹⁸ в качестве своей основной базы.

Пребывание вице-адмирала Бахмана на посту командующего рекогносцировочными силами завершилось маневрами 1913 года. С его уходом мы все испытали чувство личной утраты. Он был не только в высшей степени достойным офицером флота, но также знатоком стратегии и тактики, истинным выучеником самого адмирала Тирпица. В личном плане он был всегда доброжелателен и общителен, предоставляя нам, офицерам своего штаба, максимум свободы.

Но если судьба и лишила нас адмирала Бахмана, то она в то же время не могла найти для всех нас лучшей замены ему в лице контр-адмирала Хиппера, принявшего командование рекогносцировочными силами 1 октября 1913 года.

Наш новый командующий был энергичной и импульсивной личностью, человеком, быстро оценивающим обстановку и обладающим острым «морским взглядом». В отличие от своего предшественника он в своей карьере прошел все ступени морской службы и отличился командуя торпедными катерами, позднее – как командир бронепалубного крейсера «Гнейзенау» и, наконец, как командующий силами легких крейсеров и торпедных катеров. Чистая теория не была его сильной стороной. Он терпеть не мог возни с бумажками, и до сих пор весь его штаб состоял из двух человек: начальника штаба и флаг-лейтенанта. Теперь же, став командующим всеми рекогносцировочными силами флота, он должен был выслушивать донесения и предложения куда большего штаба.

Первое время он, похоже, думал, что штаб подкидывает ему вопросы, которые сам не может решить. Но позднее, когда наша сплоченная рабочая команда заслужила его доверие, между нами установилось полное взаимопонимание и мы все заработали как одна команда.

¹⁷ Салмагунди – блюдо французской кухни, мясной салат с анчоусами, яйцами и луком.

¹⁸ Скапа-Флоу – база английского военно-морского флота на Оркнейских островах в Шотландии. Флот базировался здесь в ходе Первой и Второй мировых войн. Закрыта в 1956 г.

Немалую роль в этом сыграли и природная вежливость, и добродушие адмирала, хотя порой ему случалось терять самообладание на капитанском мостике корабля. В этом случае он выговаривал виновнику на своем резком баварском диалекте.

Но при обсуждении хода маневров и корабельных эволюции, даже когда были допущены явные ошибки, он всегда критиковал виновного с сочувствием. Очень скоро мы все искренне привязались к нему и готовы были горы свернуть, чтобы облегчить ему труды и заботы и сделать его жизнь на борту корабля по возможности более приятной. Так, например, будучи убежденным холостяком, он требовал полной тишины поблизости от своего жилья, и мы по очереди по ночам следили за тем, чтобы адмирала никто без надобности не беспокоил. Он курил один особый сорт сигар, поэтому мы изо всех сил старались добывать их для него, что было не всегда просто из-за трудностей военного времени.

Адмирала отличала глубокая любовь к музыке, а потому исполнительское мастерство нашего фланганского оркестра пребывало на недостижимой для других высоте. Когда он убывал в отпуск, то всегда опасался за то, чтобы его заместитель, человек совершенно немзыкальный, не запустил оркестр, и напоминал мне: «Редер, пуще глаза следи, чтобы имярек не устроил сумбур из музыки!»

Еще одним хобби адмирала была охота, но, когда он пригласил меня поохотиться вместе с ним, у меня достало ума деликатно отказаться, сославшись на мой малый опыт в этих делах и совершенное незнание правил.

Что касается профессиональной стороны дела, то выдающиеся способности адмирала Хиппера и его энтузиазм заражали каждого человека, служившего в рекогносцировочных силах. Во время маневров 1913-го и 1914 годов снова и снова отрабатывалось тактическое взаимодействие быстроходных линейных крейсеров с основной эскадрой.

Маневры эти обычно начинались с рекогносцировочного рейда линейных крейсеров, после чего они отходили назад и формировали передовой эскадрон основных сил флота. Быстро меняющаяся обстановка таких маневров требовала чуткого понимания тактики и высокого искусства управления крейсерами, идущими в строю. Это как нельзя лучше соответствовало темпераменту нашего адмирала и его способностям быстро оценивать обстановку и принимать решения.

Эти учения в условиях, максимально приближенных к боевым, вырабатывали выдающееся тактическое мастерство у командиров всех рангов, а также и у штабных офицеров. Успехи нашего собственного штаба, возможно, частично объясняются нашей тесной личной дружбой, поскольку почти все мы были людьми приблизительно одного возраста, к тому же четверо из нас были выпущены в один год из военно-морского училища в Киле.

Что же касается моих служебных обязанностей, то мне пришлось работать под пристальным оком адмирала, поскольку передаче боевых команд уделялось особое внимание в ходе маневров 1914 года.

Результаты нашей интенсивной боевой подготовки стали видны в ходе инспекторского смотра рекогносцировочных сил, состоявшегося весной 1914 года. Командующий флотом адмирал фон Ингенол с мостика нашего корабля наблюдал, как адмирал Хиппер управлял идущими полным ходом линейными крейсерами в ходе весьма сложных маневров. Все корабли выполняли боевые команды без всякого промедления, вне зависимости от того, дублировались они по радио или нет. Даже условные «боевые потери» почти не снизили эффективности действий рекогносцировочных сил. Апофеозом нашего успеха стал флажный сигнал «Отличная работа!», поднятый по приказу адмирала фон Ингенола и прочитанный всем флотом.

Не были забыты во время этих учений и дозорные функции наших сил. Особое внимание было уделено действиям в ночных условиях совместно с торпедными катерами и легкими крейсерами. Весной 1914 года в них впервые участвовала морская авиация, но все

самолеты через некоторое время либо совершили вынужденную посадку, либо были подняты из воды спасательными судами.

Поскольку штаб адмиралтейства был убежден, что Британия не осмелится прибегнуть к «близкой» блокаде, то во время боевых учений флота весной 1914 года прорабатывался вопрос возможности тревожащих рейдов из Гельголандской бухты. Но весь оптимизм относительно участия в таких рейдах устаревших кораблей и торпедных катеров развеялся к началу боевых действий. Старые корабли были сконструированы для обороны в ходе «близкой» блокады; они просто не обладали достаточной надежностью для действий против английского флота у побережья Великобритании или на просторах Северного моря.

Маневры германского флота летом 1914 года проходили под страшной сенью Сараева и политического кризиса, разразившегося вслед за потрясшим всех покушением в этом городе на эрцгерцога Австро-Венгрии и его супругу. Начальный этап этих маневров в Северном море, однако, прошел вполне по плану, а ближе к их окончанию корабли зашли в норвежские фьорды, чтобы дать отдых экипажам. Флагманский корабль наших рекогносцировочных сил «Зейдлиц» встал на якорь во внутренних водах Согнефьорда, где мы начали бункероваться с подошедшего угольщика. Следующим вечером 26 июля мы получили приказ сниматься с якорей и выходить в море сразу по окончании бункеровки всех легких крейсеров. Затем мы должны были следовать на встречу с остальным флотом в открытом море для возвращения домой. Императорская яхта «Гогенцоллерн», крейсировавшая, как и каждый год в это время, в районе острова Борнхольм, в спешном порядке проследовала домой сразу же после получения сообщения об австрийском ультиматуме Сербии.

Выход флота в море 27 июля представлял собой впечатляющее зрелище. В хрустальной ясности воздуха вскоре после полудня корабль за кораблем – торпедные катера, линкоры, крейсера – выходили из фьордов и на фоне позлащенных солнцем норвежских скал собирались в эскадроны и группы. Затем по сигналу с флагманского судна флота «Фридрих Великий» вся эта армада направилась в открытое море.

По знаменательному совпадению французский флот тоже находился в северных водах и следовал домой. Имея на борту французского президента Пуанкаре, флот возвращался после визита в Санкт-Петербург. Два флота проследовали вдоль северного побережья Европы, так и не встретившись между собой.

Каждый офицер и матрос на борту наших кораблей со все усиливающимся напряжением ловил любое новое известие. Ультиматумы – мобилизация – Австро-Венгрия и Россия в состоянии войны – затем Франция – и Германия. И вот 5 августа грянуло зловещее: «Великобритания объявила войну Германии!»

Теперь очередь была за германским флотом. Ему предстояло сделать свое дело – дело, вся серьезность которого была в полной мере осознана всем военно-морским флотом.

Глава 3

Начало Первой мировой войны

Как это практикуется всеми военно-морскими силами, германский флот часто проводил учения и даже военные игры, вращавшиеся вокруг конфликта с Великобританией. Но на самом деле такой конфликт не считался сколько-нибудь вероятным. Никому не приходило в голову, что германские политические лидеры, даже побуждаемые к тому приверженным такой линии действий канцлером, могут когда-либо позволить политическому руководству Австро-Венгрии взять бразды правления в свои руки и позволить Германии быть втянутой в войну.

Будучи далеким от планирования подобной войны, военно-морской штаб даже понятия не имел о разработанном армейским Генеральным штабом плане вторжения во Францию через Бельгию. Военно-морской флот никогда не прорабатывал вопроса (и в еще меньшей степени был готов) оккупации и использования баз в Атлантике и Ла-Манше для проведения подобных операций. Так что формирование военно-морских корпусов для этих целей стало чистой воды импровизацией текущего момента.

Точно так же не существовало сколько-нибудь долговременного, разработанного во всех деталях плана ведения морской войны с Британией. А потому в напряженные дни начала военных действий возможность вражеских морских и воздушных рейдов была преувеличена сверх всяких разумных пределов. Главная база флота – Вильгельмсхафен, переполненный призванными на службу резервистами и военнообязанными, стал местом зарождения самых невероятных слухов.

Результаты этого не заставили себя ждать. Ночи начала августа то и дело освещались вспышками винтовочных выстрелов и оглашались стрекотанием пулеметов, из которых перепуганные часовые и дозорные стреляли по воображаемым вражеским самолетам. Люди были уверены, что они видели вражеские подводные лодки на внешнем рейде Вильгельмсхафена и даже в его внутренней акватории. Однажды вечером патрульный катер, обходя дозором внешний рейд, выпустил ракету, давая этим знать, что он видит предположительно подводную лодку. В соответствии с действующим уставом патрульной службы все остальные корабли немедленно сыграли тревогу и повторили сигнал, выпустив свои ракеты, в результате чего все небо над бухтой расцвечилось праздничным фейерверком. Спешно поднявшись на мостик, я спросил своего сигнальщика, в каком направлении была замечена подводная лодка.

«Везде, господин капитан, они повсюду!» – ответил тот, размахивая руками и показывая на яркие дуги сигнальных ракет, пущенных во всех направлениях.

Нет необходимости говорить, что это положение устава о сигнализации тревоги при появлении вражеского корабля было немедленно отменено.

«Фридрих Великий» с командующим флотом на борту проследовал из Норвегии прямо в Киль и лишь 31 июля совершил переход по Кильскому каналу. Тем временем вице-адмирал Хиппер принял решение держать группу линейных крейсеров в немедленной готовности к выходу в море для разведывательных рейдов. В то время эта группа состояла из линейных крейсеров «Зейдлиц», «Мольтке», «Фон дер Танн» и бронепалубного крейсера «Блюхер». В канале, ведущем из внутренней гавани, на выходе имелся большой бар¹⁹, который столь крупные корабли могли преодолеть только на максимальной высоте прилива. Поэтому адмирал Хиппер приказал всей группе лечь в дрейф за пределами бара, встать на якоря и

¹⁹ Бар – песчаная отмель, намытая течением.

опустить противоминные сети для защиты от возможной торпедной атаки. В этом случае корабли получали возможность при необходимости немедленно выйти в море для оказания помощи легким кораблям, патрулирующим побережье, в случае неожиданного нападения неприятеля. К его глубокому разочарованию, адмирал фон Ингенол, командующий флотом, приказал всем тяжелым кораблям вернуться во внутреннюю гавань Вильгельмсхафена, где они должны были пребывать в трехчасовой готовности к выходу в море. Тогда же адмирал фон Ингенол передал в оперативное управление командующего рекогносцировочными силами все торпедные катера, минные тральщики и другие патрульные корабли, а также все подводные лодки, дирижабли и морскую авиацию.

Адмирал Хиппер всегда хотел иметь под своим командованием торпедные катера, поскольку тактически они и легкие крейсера должны были действовать совместно. Однако ответственность за командование всеми остальными приданными подразделениями и, кроме того, за безопасность всей Гельголандской бухты оказалась для него непосильной ношей.

Существовала также проблема поддержания эффективной связи между всеми составными частями этой широко разветвленной сети рекогносцировочных подразделений. Как офицер, ответственный за дозорную службу, адмирал Хиппер мог лучше всего управлять ею с расположенного на побережье командного пункта, имеющего неограниченные возможности телефонной связи. Но в качестве командующего рекогносцировочными силами и в особенности крупными линейными крейсерами он должен был находиться на борту корабля, с которым мог бы выступить против неприятеля в любой момент, когда представилась бы благоприятная возможность.

Этот конфликт местоположения командного пункта был разрешен лишь много позднее, когда в результате объявления подводной войны в 1917 году приоритет был отдан подводным лодкам, а рейды надводных кораблей германского военно-морского флота случались довольно редко. В тот момент времени командующий рекогносцировочными силами имел место пребывания на старом крейсере «Ниоба», который, однако, всегда стоял у стенки в порту. Лишь в августе 1918 года, когда адмирал Хиппер был назначен командующим флотом, командующий рекогносцировочными силами был избавлен от тяжелого бремени обеспечения безопасности морского района, что стало заботой вновь созданного командования безопасности Северного моря.

Связь между кораблями, обеспечивавшими безопасность от неприятельских рейдов, осуществлялась в основном по радио, порой дублируясь визуальными сигналами. Любое значительное событие, происшедшее в районе Гельголандской бухты, должно было быть доложено командующему рекогносцировочными силами²⁰. А штаб соответственно должен был не только оценить ситуацию, но и дать рекомендации по соответствующим немедленным действиям. Увеличение числа офицеров штаба стало насущной необходимостью. Так появился капитан 3-го ранга Брутцер, в обязанности которого входила работа с патрульными кораблями. Еще большие изменения произошли в 1917 году: я был назначен на должность начальника штаба, а капитан 3-го ранга Прентцель занял мое место старшего офицера штаба.

Хотя адмирал фон Ингенол возложил патрулирование Гельголандской бухты на командование рекогносцировочными силами, он все же продолжал отдавать детальные приказы о том, как следует действовать легким крейсерам, торпедным катерам, минным тральщикам и подводным лодкам. Согласно его указаниям легкие силы флота в светлое время суток

²⁰ К сожалению, некоторые патрульные корабли передавали тревожные сообщения, не принимая мер к уточнению сведений. Однажды мы получили такое донесение: «Каждое утро у побережья всплывает подводная лодка, а затем снова погружается. Просим проверить!» Адмирал Хиппер ответил на это так: «Отправьте мотобот и проверьте сами!» Через некоторое время автор донесения смущенно сообщил, что за подводную лодку был принят корпус затонувшего судна, появившийся над поверхностью воды при отливе, а затем скрывавшийся под приливом. (Примеч. авт.)

должны были находиться в отведенных им для патрулирования секторах с центром у плавающего маяка в устье Эльбы и крейсировать по всей акватории бухты. С наступлением темноты они должны были перемещаться к морю и образовывать там передовую линию против любого вражеского нападения. С рассветом им следовало возвращаться во внутренние воды на места своего патрулирования.

Совершенно естественно, что, в зависимости от того, сколь далеко от Гельгоlanda находился сектор патрулирования того или другого корабля, районы их патрулирования все увеличивались, как и промежутки между соседними патрульными кораблями. Вследствие этого корабли вынуждены были патрулировать в одиночку, а не парами или группами, как надлежало делать в присутствии сильного противника. Более того, регулярный характер патрулирования и постановки кораблей на якорь на темное время суток облегчал противнику задачу при использовании им подводных лодок для выяснения германской системы патрулирования и разработки плана наиболее эффективного ее прорыва. Еще более отдаленным эффектом было то, что использование легких крейсеров для формирования обычной дозорной линии не только делало их уязвимыми для атак вражеских подводных лодок, но и шло вразрез с их истинным тактическим предназначением – осуществлением дальних ночных рекогносцировочных рейдов.

Сражение в Гельголандской бухте

Неправильная диспозиция и неверное использование патрульных кораблей с неизбежностью привело к неожиданному вражескому нападению 28 августа 1914 года. Воспользовавшись благоприятной для них ситуацией и плохой видимостью, которая исключала возможность ведения точного огня береговыми батареями Гельголанда, британские линейные крейсера углубились в акваторию бухты – сказать по правде, гораздо дальше, чем, как нам представлялось, они осмелятся сделать это в столь плохую погоду. В результате этого два легких крейсера и десять эсминцев нашей передовой дозорной линии были неожиданно окружены британской рейдерной группой из 32 эсминцев и двух крейсеров. Но в качестве поддержки этих сил подходили еще три линейных крейсера под командованием адмирала Дэвида Битти и эскадра из шести крейсеров. Три наших легких крейсера вышли из устья рек Эмс и Джаде на помощь своим товарищам, но силы были слишком неравны. В результате мы потеряли легкие крейсера «Кельн», «Майнц», «Ариадна» и торпедный катер «V-187». Британцы потерь не понесли.

Чтобы предотвратить возможность нового столь тяжелого испытания, были установлены два больших минных поля, закрывшие врагу выход из Гельголандской бухты, был изменен порядок патрулирования, а силы поддержки из тяжелых кораблей стали держаться в постоянной готовности в Шиллиг-Роудс, широком плесе у входа в Вильгельмсхафен.

Получилось так, что первоначальный план адмирала Хиппера по обороне от внезапных рейдов посредством постоянной дислокации всех тяжелых крейсеров на внешнем рейде в бухте Джаде не мог осуществляться на постоянной основе, поскольку по условиям военного времени часть этих сил находилась в порту, либо бункеруясь углем, либо на ремонте. Но легкие крейсера, осуществлявшие патрульные операции, были теперь отведены назад, в устье Везера, откуда они могли через незначительное время после приказа выйти в море. Минные поля, прикрывавшие Гельголандскую бухту, патрулировались старыми торпедными катерами и паровыми тральщиками, в то время как несколько подводных лодок заняли свои позиции в дозорной линии впереди них. Позднее, после того, как они продемонстрировали свои выдающиеся оборонительные возможности, подводные лодки стали использоваться непосредственно для обороны.

Немногие дирижабли и самолеты морской авиации, которыми обладала Германия в начале войны, имели весьма ограниченный радиус действия и были практически бесполезны в плохую погоду. По мере улучшения воздушной разведки командование флотом стало все больше и больше склоняться к мысли, что флот не должен стараться избегать боевых контактов с британским флотом, когда тот искушающе появлялся в германских водах. Был сделан вывод, что противник мог решиться на сражение, только обладая преимуществом в силах либо рассчитывая на находящиеся поблизости подводные лодки или на мины, поставленные его собственными минными заградителями на направлениях ожидаемых германских рейдов. Наоборот, германские силы должны были бы проявлять инициативу только в моменты значительного тактического превосходства при эффективной воздушной разведке или тесном взаимодействии с находящимися в море нашими собственными подводными лодками.

В начале войны не существовало никаких возможностей для проведения успешных наступательных операций против превосходящих нас по численности британских сил. Поэтому наши действия против неприятеля заключались в основном в постановке минных заграждений у побережья Англии нашими легкими крейсерами и специальными минными заградителями. Эти операции, осуществлявшиеся по прямым приказам командующего флотом, были, к нашему счастью, удачными, за исключением случая с 7-м дивизионом торпедных катеров. Эти четыре катера, довольно старые и использовавшиеся поэтому только для

постановки мин, были направлены адмиралом фон Ингенолом без какой-либо поддержки на минирование устья Темзы 17 октября. Наткнувшись на врага, все четыре катера были потеряны.

Рекогносцировочные рейды, осуществлявшиеся дивизионом торпедных катеров почти каждую ночь, никогда не обнаруживали местоположения неприятеля. Когда же подводные лодки, уже доказавшие свою эффективность для целей дальней разведки, перешли под начало командования флота, адмирал Хиппер предложил, чтобы линейные крейсера совершили рейд в северную часть Северного моря. Это предложение было одобрено командованием флота, но не был выделен дивизион боевых кораблей для встречи возвращающихся крейсеров у Хорн-фьорда, что предусматривал исходный план. Поскольку наш штаб считал такую поддержку совершенно необходимой, все предприятие было отменено. Но адмирал Хиппер продолжал выступать за наступательные операции линейных крейсеров у английского побережья, но только при обеспечении поддержки основными силами флота – предосторожность, которой исподтишка противился штаб адмирала.

Флот переходит в наступление

В это время в командовании флотом произошли изменения: появился новый начальник штаба – контр-адмирал Эккерман, сменивший попавшего в госпиталь контр-адмирала фон Манна. Адмирал Эккерман был приверженцем более активной политики, поэтому в ноябре и декабре 1914 года были предприняты операции линейных крейсеров против британских портов Ярмут, Хартлпул и Скарборо. После постановки прибрежных минных полей, проведенной нашими минными заградителями, появилась надежда, что обстрел прибрежных портов может разозлить противника и побудить его выйти из этих баз на перехват наших линейных крейсеров, которые обратятся в бегство, – и попасть прямо в объятия основных сил нашего флота, стоящего за кораблями адмирала Хиппера.

Одна из самых больших опасностей, таящихся в этом рейде против английского побережья, заключалась в трудности правильной навигации. Британия ввела затемнение всех огней на побережье, никаких других ориентиров для определения ночью точного местоположения корабля не было. Поэтому в самый ответственный момент, когда корабль занимал позицию для ведения огня, наши штурманы могли рассчитывать только на верность счисления²¹ и лот, которые одни и могли предупредить их об опасных мелях.

Наш главный штурман штаба капитан-лейтенант Прентцель всегда с непостижимым искусством выводил нас в требуемую точку, но, оказавшись там, мы должны были повернуть параллельно берегу и лечь на боевой курс в течение нескольких минут.

Во время нашего первого рейда, для обстрела Ярмута, который обороняли многочисленные песчаные банки и мелководье, адмирал Хиппер распорядился дать сигнал для поворота в тот момент, когда лот покажет глубину менее чем в двадцать фатомов²². Это произошло довольно скоро, последовавший за этим обстрел велся на вынужденно дальней дистанции. Однако, даже если хотя бы один-единственный из наших кораблей сел на прибрежную мель, все корабли оказались бы в весьма затруднительном положении – пришлось бы бросить обреченный корабль либо противостоять намного превосходящим силам неприятеля, которые вскоре собрались бы вокруг нас. Наш легкий крейсер «Штральзунд», имевший много меньшую осадку, подошел гораздо ближе к побережью и, как и предусматривалось, поставил там минное поле.

В ходе этой первой операции мы допустили ошибку, сконцентрировав наш огонь на британской канонерской лодке «Альциона», единственном вражеском корабле в нашем поле зрения. Был отдан следующий приказ: «Зейдлицу» открыть огонь!» Но воинственно-нетерпеливые артиллеристы всех наших кораблей открыли огонь из всех орудий. Среди всплесков от снарядов всех кораблей было совершенно невозможно определить перелеты или недолеты снарядов каждого из них и соответственно скорректировать огонь по цели, так что в результате «Альциона» ушла практически неповрежденной.

На войне, как и везде, опыт является учителем, которого невозможно заменить ничем, и этот рейд на британское побережье стал ценнейшей проверкой возможностей наших линейных крейсеров.

Еще одна подобная же операция была запланирована на середину декабря. Теперь группа линейных крейсеров была усилена приданным ей «Дерфлингером», а план проведения операции включал не только обстрел фортов Хартлпула и Скарборо, но и военных объектов в Уитби.

²¹ Счисление – метод определения местоположения судна исходя из координат отправной точки, пройденного расстояния и курса.

²² Фатом – единица для измерения глубины моря, равна 1/1000 морской мили и составляет 1,829 м.

Навигация в этих водах была несколько проще, чем в ходе рейда на Ярмут, но расстояние, которое надо было пройти нашим кораблям, было намного больше. Новые цели располагались гораздо ближе к британским военно-морским базам в устье рек Тайн и Форс, прикрытых с фланга крупными силами в Хамбере. Но мы были убеждены, что сможем успешно провести операцию, если только основные силы германского военно-морского флота займут позицию, с которой они смогли бы прикрыть нас, если на обратном пути враг попытается отрезать нас от Гельгоlanda. Такое обещание было получено, и точка встречи должным образом назначена.

Наши собственные приготовления к операции были максимально тщательными. Два раза одна из наших подводных лодок совершила рейды к местоположению нашей предполагаемой цели, проверяя и перепроверяя подходы к ней. Возможно, нам следовало также проверить то, каким образом адмирал фон Ингенот трактует императорский приказ об операциях флота – тот его пункт, который устанавливал, что германский флот не должен предпринимать наступательных операций против противника за пределами определенного расстояния от фортов Гельгоlanda. Но, дав согласие на поддержку флота и определив точку встречи с ним, командующий флотом был обязан надлежащим образом выполнить эту договоренность – или, если имелись веские причины, препятствующие его выполнению, он был равным образом обязан информировать о них рекогносцировочные силы и принять альтернативное решение. Такая информация совершенно необходима для командующего рекогносцировочными силами, потому что, если наши корабли встретились бы с вражескими силами, он должен был бы знать приблизительное местонахождение и планы основных сил флота, к которым можно было бы обратиться за поддержкой.

Корабли рекогносцировочных сил доверчиво снялись со своей якорной стоянки в бухте Джаде ранним утром 15 декабря 1914 года и легли на курс северо-западнее Доггер-банки вдали от английского побережья. Пересекая Северное море, мы получили предупреждение о шторме, начавшемся севернее нас, и почувствовали, что в том месте, где мы находились, ветер уже стал крепчать. Поэтому адмирал Хиппер принял решение не задействовать в операции легкие крейсера и торпедные катера, за исключением приспособленного в качестве минного заградителя крейсера «Кольберг», и отправил их обратно, к точке встречи, куда основные силы флота должны прибыть к полудню следующего дня.

Повернув после наступления темноты вечером 15 декабря к английскому побережью, мы достигли точки рассредоточения к рассвету. Ветер все крепчал. Здесь группа наших кораблей должна была разделиться. «Мольтке», «Зейдлицу», «Блюхеру» и «Кольбергу» предстояло следовать к Хартлпулу, а «Фон дер Танну» и «Дерфлингеру» – к Скарборо. Как раз перед разделением мы заметили несколько британских дозорных катеров и обстреляли их, но не стали преследовать, поскольку наша основная задача заключалась в обстреле береговых объектов.

Операции в районе обоих портов были тактически успешными. В Хартлпуле британские береговые батареи немедленно открыли ответный огонь, попав «Зейдлицу» в полубак, а «Блюхеру» чуть ниже мостика. Погибло семеро человек, но наш огонь быстро заставил батареи замолчать. Тем временем «Кольберг» успешно забросал минами проход, который британцы расчистили в своем собственном минном поле, прикрывающем подход к порту.

Успешно справившиеся со своей задачей у Скарборо «Фон дер Танн» и «Дерфлингер» соединились с остальными нашими кораблями, и все вместе мы легли на курс к дому, осторожно пробираясь между опасными британскими прибрежными минными полями – опасность, которую мы успешно преодолели. Затем, уже около полудня, мы получили сообщение от капитана 1 – го ранга Хардера, командовавшего отправленными назад легкими крейсерами и торпедными катерами, о том, что они заметили на горизонте дивизион британских линейных крейсеров и отдельные крейсера не в строю около устья реки Хамбер. Пер-

вой мыслью адмирала Хиппера было немедленно изменить курс и направиться на помощь «Штральзунду» и идущим вместе с ним кораблям против замеченного неприятеля, но следующее сообщение со «Штральзунда», пришедшее почти сразу же за первым, гласило, что неприятель уже исчез из виду. Соответственно адмирал Хиппер сразу же резко изменил наш курс к северу, чтобы обогнуть британский дивизион линейных крейсеров, которые, очевидно, заняли эту позицию, чтобы перехватить нас по дороге к точке встречи с основными силами флота.

Ни у одного офицера флагманского корабля не промелькнула даже тень беспокойства за наши легкие силы, поскольку они должны были вот-вот достичь оговоренной заранее точки встречи с основными силами флота. Но точно так же никто из нас понятия не имел о том, что в жидком утреннем полусумраке основные силы нашего флота столкнулись с передовыми британскими рекогносцировочными силами и, чтобы избежать опасности вражеской ночной торпедной атаки, повернули обратно. Но далее адмирал фон Ингенол не направился к оговоренной точке встречи, а просто-напросто вернулся в Гельголандскую бухту. Более того, он даже не информировал об этом адмирала Хиппера, так что командующий рекогносцировочными силами ничего не знал об изменении планов до тех пор, пока не получил сообщения о местоположении основных сил флота, отступившего далеко за Гельголанд, уже ближе к вечеру.

Наша первая мысль была о том, что дивизион вражеских линейных кораблей может попытаться перехватить нас где-то на полпути между Хартлпулом и Гельголандом. Чтобы избежать столкновения с намного более сильным противником, адмирал Хиппер резко развернул нашу группу линейных крейсеров прямо на север, обходя с фланга вражеские силы. Его анализ и сделанный из него логический вывод были совершенно правильными, поскольку впоследствии оказалось, что британские линейные крейсера проследовали всего только в нескольких милях от нас, не заметив наши корабли.

Тем временем ветер крепчал, начиная переходить в штормовой. Поскольку более старый «Кольберг» не мог идти полным ходом, то лишь после наступления темноты мы почувствовали, что смогли выбраться из ловушки и теперь на нашем пути к Гельголанду нам снова ничего не угрожает.

Но по возвращении в бухту Джаде утром 17 декабря нами овладели смешанные чувства. Задание было успешно выполнено; связь в рекогносцировочных силах работала четко; обстрел береговых объектов прошел как запланировано, и моральный настрой экипажей был на высоте. Но, с другой стороны, мы испытывали огромное разочарование из-за неспособности основных сил флота прийти к назначенному месту встречи. Если бы утром 16-го числа основные силы флота действовали так, как было условлено, то их намного превосходящие силы разметали бы британские линейные крейсера адмирала Битти, по которым бы вдобавок нанесли свой удар еще и возвращающиеся линейные крейсера адмирала Хиппера. Такая подавляющая концентрация наших сил наверняка закончилась бы нашей громкой победой. Но эта золотая возможность была упущена – возможность, которой, скорее всего, уже не суждено повториться.

Сражение при Доггер-Банке

Одним из результатов этой операции стало то, что командующий флотом отказался от своего оборонительного психоза, хотя в тот момент мы еще не знали об этом.

Пока что, вплоть до конца месяца, мы продолжали ставить мины, ожидая нападения неприятеля. Разведка информировала нас, что британцы будут прилагать усилия, чтобы закрыть нам все выходы из Гельголандской бухты в Северное море блокшивами и минными заграждениями.

Но единственным воплотившимся в действие шагом противника стал, однако, довольно слабый рейд неприятельских подводных лодок, самолетов и минных заградителей. В первый раз заговорили противовоздушные орудия наших крейсеров и зенитки, расположенные в Куксхафене. Вражеские минные заградители начали устанавливать минные заграждения против наших подводных лодок в районе Амрум-банки у Гельгоlanda.

Девятнадцатого января 1915 года мы получили сообщение от одного из наших дозорных аэропланов, что значительные британские силы приближаются к Гельголанду с северо-запада. Подводным лодкам был отдан приказ образовать заградительную линию на пути подхода врага. Были также предприняты и другие оборонительные меры. Однако враг повернул на обратный курс еще до того, как мы вступили с ним в визуальный контакт, так что все наши старания оказались напрасными.

С минованием угрозы вражеского нападения командующий флотом вернул флот в обычное состояние готовности, которое давало возможность нашим судам не только вставать на текущий ремонт, но и проводить боевую подготовку в Балтийском море. Он также лично заверил командующего рекогносцировочными силами, что для линейных крейсеров не предвидится никаких операций наступательного характера в ближайшем будущем, так что адмирал Хиппер отправил «Фон дер Танн» участвовать в маневрах на Балтике.

Однако всего лишь несколько часов спустя адмирал фон Ингенол приказал адмиралу Хипперу взять обе бригады крейсеров и два дивизиона торпедных катеров и выйти в море 24 января для проведения рекогносцировки в направлении Доггер-банки. Операция эта, как стало известно позднее, родилась в голове контр-адмирала Эккермана, начальника штаба флота.

Помимо необъяснимого и неожиданного изменения намерений, приказ этот беспокоил нас еще и в том отношении, что в нем ничего не было сказано о взаимодействии с основными силами флота, поддержка которых, в свете полученного 16 декабря опыта, была жизненно необходима. Ко всему этому, что было хуже всего, приказ об операции был передан по радио, несмотря на то что «Зейдлиц», на котором держал свой флаг командующий рекогносцировочными силами, стоял на якоре на рейде Вильгельмсхафена, куда он мог прекрасно быть передан визуальными средствами.

Уже в течение некоторого времени мы подозревали, что британцы перехватывают и расшифровывают наши радио-сообщения. Для противодействия этому наши коды часто менялись, а все важные оперативные сообщения передавались особыми кодами. Однако, вне зависимости от того, какие коды были использованы, дешифровщик мог понять суть сообщения, имея он в своем распоряжении наши книги сигналов, вокруг которых и строились все коды.

Собственно говоря, британцы смогли заполучить в свое распоряжение экземпляр нашей книги сигналов, что произошло при довольно необычных обстоятельствах. Германский легкий крейсер «Магдебург» потерпел крушение в Финском заливе на первом месяце войны, и русские водолазы смогли разыскать среди его обломков и поднять боевую книгу сигналов. Позднее они передали ее британцам. С ее помощью, повозившись несколько

часов, британские дешифровальщики могли расшифровать любой из наших закодированных сигналов. Так что теперь переданный по радио приказ адмирала фон Ингенгола, содержащий самые подробные данные о наших силах, задействованных в планируемом рейде, а также точное время и курс, стал известен британскому адмиралтейству еще до того, как мы снялись с якорей. Британцам оставалось только выбрать место, где им было удобнее всего нас перехватить, и собрать превосходящие нас по численности силы.

Перехват этот был осуществлен ими в то самое утро, когда мы вышли в море, так что мы даже не удивились, когда наши передовые дозоры на рассвете сообщили о визуальном контакте с британскими легкими крейсерами. Почувствовав неладное, адмирал Хиппер немедленно изменил курс к юго-востоку, по направлению к Гельголанду, чтобы не попасть в лапы британских линейных крейсеров поддержки, которые, скорее всего, скрывались где-то за британскими легкими крейсерами.

Разворот наших сил на новый курс был осуществлен довольно быстро, так что наши легкие силы оказались впереди и по другую сторону относительно курса неприятеля. Когда рассвело, стали ясно различимы пять линейных крейсеров адмирала Битти несколько позади и справа по курсу от трех наших линейных крейсеров и «Блюхера». Легкие боевые корабли обеих сторон были прикрыты более крупными кораблями.

Стрельба началась немедленно и на предельной дистанции, которая быстро сокращалась, поскольку британские корабли быстро нагоняли наши силы, скорость хода которых сдерживал старый «Блюхер». От большинства британских снарядов мы уклонились зигзагообразным курсом, но вот «Зейдлиц» получил попадание в корму, отчего обе его кормовые башни с 280-миллиметровыми орудиями вышли из строя. Погибло 159 членов экипажа. В крейсер попало еще два снаряда, но благодаря умелым действиям экипажа по борьбе с огнем и за живучесть корабля пожар был погашен и крейсер остался на ходу.

Однако «Блюхер», имевший более медленный ход и более легкую броню, оказался в трудном положении. Британские линейные крейсера сконцентрировали свой огонь на нем, поскольку он был последним в кильватерной колонне. Затем, вдобавок к граду снарядов, «Блюхер» был поражен торпедой ниже ватерлинии, отчего потерял управление и ход и стал дрейфовать.

Враг тоже не ушел невредимым, поскольку мы наблюдали разрывы наших снарядов, поражавших британские корабли. Британский флагманский корабль, шедший во главе колонны линейных крейсеров, замедлил ход и вышел из строя, сильно задымив. Офицеры «Мольтке» вроде бы видели, как он затонул, но в дыме и тумане ничего нельзя было как следует разобрать.

Рассчитывая на предельную дистанцию, на которой находились теперь от нас наши враги, адмирал Хиппер решил отдать приказ торпедным катерам атаковать неприятеля с тем, чтобы несколько облегчить положение «Блюхера». Но на этом этапе сражения только одному из торпедных катеров – из нашего 5-го дивизиона – удалось выпустить свою торпеду, и он оптимистично доложил, что она поразила один из вражеских линейных крейсеров.

Положение «Блюхера» было отчаянным. И никакой надежды на то, что основные силы нашего флота придут на помощь, хотя мы и дали им знать в тот момент, когда заметили вражеские корабли. Более того, легкий крейсер «Штральзунд» доложил о том, что он видит на горизонте густой дым, возвещающий приближение новых вражеских сил – по всей вероятности линкоров.

Британские линейные крейсера теперь обратили все свое внимание на беспомощный «Блюхер». Отчаявшись что-либо сделать, адмирал Хиппер дал приказ изменить курс к югу, чтобы отвлечь врага от «Блюхера», и как раз в этот момент капитан 1-го ранга Егиди, командир «Зейдлица», доложил, что не только его кормовые башни и арт-погреб совершенно уничтожены пожаром, но подходят к концу и боеприпасы для баковых орудий.

Задерживаться долее у «Блюхера» значило подвергаться риску потерять другие корабли, а возможно, и все рекогносцировочные силы. С тяжелым сердцем адмирал Хиппер отменил свой предыдущий приказ и приказал продолжать следовать курсом на юг по направлению к Гельголанду. Мы плакали, глядя, как погружающийся в воду «Блюхер» скрывается в дыму у нас за кормой.

Враг нас не преследовал.

Наша скорбь по погибшему «Блюхеру» была больше еще и потому, что все команды кораблей считали, что ее можно было избежать, если бы приказ об операции был бы отправлен не по радио, во-первых; если бы флот ждал надлежащим образом в море, чтобы оказать нам помощь, во-вторых; и, в-третьих, если бы «Фон дер Танн» участвовал в операции, а не был вместо этого отправлен на рутинные маневры на Балтике.

В тот момент нас не утешали даже поступившие сведения о том, что британский флагманский корабль «Лев» получил столь значительные повреждения, что потерял ход и управление и был вынужден вернуться в порт на буксире. Если бы основные силы германского флота заняли позицию, откуда они могли бы оказать поддержку рекогносцировочным силам, то не только «Блюхер» мог бы остаться в строю, но и «Лев» мог быть уничтожен полностью.

Зная теперь, что британцы, обладая нашими книгами сигналов, имели полную возможность устроить полную и ошеломляющую ловушку нашим рекогносцировочным силам, трудно понять, почему они ограничились тем малым, что они сделали.

Со своей стороны мы в рекогносцировочных силах испытывали гордость за свои решительные действия. Наш артиллерийский огонь был превосходным по меткости; связь работала без всяких сбоев; приказы исполнялись без промедления. Наш адмирал являл собой вдохновляющий пример невозмутимой отваги, а каждый офицер и матрос стойко исполнял свой долг на вверенном ему посту. Мы получили крещение огнем, и все чувствовали, что в следующих боях сможем еще лучше проявить себя.

Но последствия сражения 15—16 декабря и битвы 24 января у Доггер-банки мы все испытали в начале февраля, когда император лично посетил базу флота в Вильгельмсхафене. Первое, что он сделал, — снял адмирала фон Ингенула и контр-адмирала Эккермана с их постов. Адмирал фон Поль, начальник штаба адмиралтейства в Берлине, стал новым командующим флотом, а капитан 1-го ранга Михаэлис, чрезвычайно способный командир линкора «Тюрингия», стал новым начальником штаба флота. Контр-адмирал Эккерман был переведен командовать 1-й эскадрой флота, заменив на этом посту адмирала фон Ланса.

Будучи начальником штаба адмиралтейства в Берлине, адмирал фон Поль имел тесные служебные контакты с канцлером империи фон Бетманн-Холлвег²³. Возможно, находясь под влиянием канцлера, который был противником подводной войны против коммерческих судов, адмирал фон Поль даже не представил на одобрение военно-морскому министру адмиралу Тирпицу декларацию о запретных для военных действий зонах у побережий Британии и Франции до того, как она была представлена на подпись императору. Это прямо противоречило собственной директиве императора о том, что все значительные решения оперативного характера, прежде чем вступить в действие, должны быть рассмотрены министром Тирпицем. Адмирал фон Поль, по разговорам, был известен тем, что пускал в дело флот с изрядной осторожностью и только при наличии самых благоприятных обстоятельств. Все это никак не могло снискать ему расположения мыслившего наступательными категориями адмирала Тирпица.

Во время своего посещения Вильгельмсхафена император наградил адмирала Хиппера и меня орденом Железного креста 1-го класса. После первого похода линейных крейсеров против Ярмута мы были уже награждены орденами Железного креста 2-го класса, но знали,

²³ Бетманн-Холлвег (1856—1921) — германский государственный деятель, канцлер в 1909—1917 гг.

что эта операция была далека от реализации всех возможностей, так что не надевали наград вплоть до успеха под Хартлпулом.

Пытаясь выманить противника сразиться ближе к побережью с германскими базами, а заодно и при других благоприятствующих обстоятельствах, адмирал фон Поль разработал программу выходов всего флота в частые, но довольно близкие рейды. Поскольку такие выходы совершались в районах, где британские надводные корабли более не наблюдались в дневное время, офицеры и матросы считали, что им не удастся вступить в схватку с неприятелем. К тому же такие рейды подвергали корабли флота серьезной опасности со стороны бродивших здесь порой британских подводных лодок и минных полей, которые минные заградители врага ставили ночами, — опасности, никак не соизмеримой с возможностью схватиться лицом к лицу с врагом.

Единственным дальним походом, проведенным в Северном море, была постановка мин на Доггер-банке — операция, проведенная исключительно по инициативе адмирала Хиппера. Эти минные поля были поставлены нашими легкими крейсерами, которые провели операцию ночью, а затем быстро отошли под прикрытие наших тяжелых сил, расположенных в районе Гельгоlanda. Минные поля были поставлены с тем расчетом, чтобы противник понес на них потери, если попытается подойти к Гельголанду, так что даже эти операции заслуживают названия оборонительных, но никак не наступательных.

В таких обстоятельствах мы в группе линейных крейсеров только обрадовались возможности оставить бездействие в Северном море, когда получили приказ оказать содействие операциям армии на Балтике. Армия в этот момент пыталась выдавить русские войска из района Рижского залива. Еще нас воодушевляло то, что мы должны были действовать под командованием адмирала флота принца Генриха Прусского, верховного командующего всеми силами в районе Балтийского моря, и вице-адмирала Эрхарда Шмидта, начальника оперативного командования.

Под прикрытием остальных кораблей эскадры линейных крейсеров «Фон дер Танн» обстрелял и уничтожил береговые батареи на острове Уто, лежащем у входа в Финский залив. В ходе этой операции «Мольтке» был обстрелян и получил повреждение от торпеды, выпущенной с британской подводной лодки. После обстрела Уто линейные крейсера и другие части основных сил флота возвратились в Киль и в район Вильгельмсхафена.

После нашего возвращения с Балтики мы обнаружили, что флот пребывает в глубоком унынии. Британский флот, осторожный не менее нашего, отошел к своему западному побережью и расположился в районе своей сильно укрепленной базы Скапа-Флоу, что до крайности осложнило возможность добраться до него даже силами наших подводных лодок. Рейд в Северное море основных сил нашего флота 26 октября 1915 года был отменен адмиралом Полем еще до того, как корабли миновали траверз плавучего маяка Хорн-риф к северу от Гельгоlanda, поскольку были получены известия, что наблюдаются приближающиеся британские силы флота.

Известия о растущем недовольстве флота достигли адмирала фон Тирпица и адмирала фон Мюллера, главы военно-морского кабинета. Либо адмирал фон Мюллер, либо принц Адальберт Прусский, бывший тогда командующим флотом, довел это до сведения императора. Император в срочном порядке инициировал резкое распоряжение кабинета министров, порицающее все виды критики военных действий, осуществляющихся по его приказам.

Но мнение флота долее нельзя было не принимать во внимание. Капитан 1-го ранга фон Трота, командир линкора «Кайзер», пользовавшийся повсеместным уважением, откровенно доложил суть происходящего по официальным каналам. В январе 1916 года капитан 1-го ранга фон Леветцов, столь же уважаемый командир «Мольтке», попросил встречи с адмиралом фон Полем и доложил ему, в совершенно однозначных выражениях, о неудовольствии

флота. Адмирал Бахман, начальник штаба адмиралтейства в Берлине, также расходился во взглядах на действия флота с командующим флотом.

Никто и никогда не поднимал вопрос о личной храбрости или тактических способностях адмирала фон Поля – и меньше всех я, знавший его лично по моей службе штурманом под его командованием. Но дела не могли далее идти так, как они шли. Возможно, вмешалась сама милостивая судьба, но адмирал фон Поль был внезапно госпитализирован по подозрению на рак, от которого и умер 26 февраля, спустя менее чем через месяц.

Адмирал Шеер принимает командование флотом

В середине января на должность командующего всем флотом император назначил вице-адмирала Рейнгардта Шеера, командира 2-й эскадры флота.

Адмирал Шеер, истинный морской волк, обладал не только громадным практическим опытом, здравым смыслом и острым восприятием, но и таким редким качеством, как ответственность. Его прозвище – Bobschiess²⁴ – указывало на редкую нелюбовь, которую он питал к пессимистам и занудам. Но доверие флота к нему еще более упрочилось, когда он назначил капитана 1-го ранга фон Трота начальником штаба, а капитана 1-го ранга фон Леветцова – начальником оперативного управления штаба.

Команда получилась прекрасная, поскольку Леветцов отличался импульсивным характером, в то время как фон Трота был холодным и рассудительным советником.

Осознав насущную необходимость восстановить боевой дух флота, адмирал Шеер собрал совещание флаг-офицеров, командующих эскадрами и командиров кораблей, которым он изложил свою новую программу сжато, но выразительно. Вкратце она заключалась в следующем. Решено было возобновить обстрелы британского побережья, как только представится возможным, а рейды против вражеского судоходства будут распространяться вплоть до верхних сегментов Северного моря. Имелась определенная надежда, что такое давление вынудит британцев выползти из их баз и принять сражение на условиях, диктуемых нами. Некоторая надежда была и на отмену действующих ограничений, введенных Берлином в отношении подводных лодок, которым при встрече с торговыми судами предписывалось всплытие на поверхность, обыск торговых судов и перед потоплением удаление с них экипажей. В случае снятия этих ограничений подводные лодки смогли бы действовать против вражеских торговых судов непосредственно у вражеского побережья, а также взаимодействовать с флотом в наступательных операциях против неприятельского флота.

И последнее, накануне и во время всех операций флота должна осуществляться исчерпывающая воздушная разведка и наблюдение с помощью дирижаблей.

Эта программа возобновления наступательных действий была с воодушевлением принята всеми слушателями, и наступившее сердечное согласие было закреплено во время общения с адмиралом за чашкой кофе по окончании совещания.

Когда на следующий месяц император посетил нового командующего флотом, адмирал Шеер изложил перед ним свои идеи, и император публично санкционировал новую программу в ходе совещания всех старших офицеров, которое было собрано сразу после разговора с адмиралом.

Изгнав начисто старый оборонительный дух, флот с энтузиазмом приступил к боевой подготовке, призванной вернуть кораблям и их экипажам максимальную боевую действенность. Отрабатывались тактические эволюции, перестроения из походного строя в боевые порядки и движение в боевом порядке. Пятого марта 1916 года флот предпринял пробный выход в район Хуфдена, хотя противника там и не обнаружил.

Следующим шагом в программе значились рейды для обстрела английского побережья, но еще до этого, 25 марта, отряд британских легких кораблей произвел обстрел нашего сигнального поста на острове Зильт в непосредственной близости у датской границы и ангаров для дирижаблей в Тондерне. Адмирал Шеер немедленно отдал приказ всем соединениям легких и тяжелых кораблей выйти в северном направлении для перехвата неприятеля, в особенности поврежденного британского эсминца «Медуза», который, по нашей информации, столкнулся с другим кораблем и сейчас следовал на свою базу на буксире.

²⁴ Непереводимое слово, означающее, что его носитель обладает чрезвычайно агрессивным нравом. (Примеч. авт.)

Рейд был предпринят в весьма неблагоприятную погоду, которая к тому же еще ухудшилась с наступлением ночи. Наши передовые дозоры вступили в контакт с противником, в темноте наш торпедный катер «G-194» был протаранен и потоплен британским легким крейсером «Клеопатра». Затем все усиливающийся шторм загнал все наши легкие корабли обратно в порт, но отряд линейных крейсеров, усиленный догнавшим нас «Лютцовом», продолжал преследование неприятеля за траверз Хорн-рифа и прекратил его, только перехватив британское сообщение по радио о том, что «Медуза» была оставлена ночью тонущей.

Надо сказать, что уже позднее мы узнали, что отряд британских линейных крейсеров находился тем утром севернее Хорн-рифа, держа курс на юг, так что встреча двух групп линейных крейсеров была вполне вероятна. Но даже если бы это произошло, сражение между ними вряд ли имело бы место, поскольку шторм достиг такой силы, что ни одна из сторон не смогла бы открыть огонь. Тем не менее все предприятие еще раз доказало, что даже в операциях, предпринятых меньшими силами, жизненно необходимо иметь основные силы флота на позициях, позволяющих им при необходимости прийти на помощь легким кораблям.

Новые рейды на вражеское побережье

Возобновление рейдов на британское побережье было запланировано на апрель, но обстоятельства препятствовали этим планам вплоть до ночи 24 апреля, когда рекогносцировочные силы вышли в море для обстрела Лоустофта и Ярмута. По совпадению это произошло в то самое время, когда британцы предприняли операцию по постановке мин и сетевых заграждений у побережья Фландрии, с тем чтобы закупорить подводные лодки, действовавшие с расположенных там баз.

Контр-адмирал Бедикер, командующий отрядом легких крейсеров, временно принял командование и объединенными рекогносцировочными силами, замещая адмирала Хиппера, попавшего в госпиталь с серьезным приступом ишиаса. Некоторые из командиров выразили свои опасения по поводу предстоящей операции, но я не мог их разделить. За исключением опасности от баров и отмелей, а также поставленных неприятелем у английского побережья минных полей, штаб рекогносцировочных сил не видел ничего особенно рискованного в этой операции. Точность моего предсказания подтвердилась очень скоро, когда флагманский корабль «Зейдлиц» подорвался на mine, ведя рекогносцировочные силы к северо-западу от Гельгоlanda в водах, которые считались совершенно свободными от мин.

Однако вместо того, чтобы отдать приказ о прекращении операции, адмирал Бедикер перевел свой штаб на «Лютцов», отправил поврежденный, но сохранивший ход «Зейдлиц» обратно в Вильгельмсхафен и продолжил движение на Лоустофт. Я был рад узнать, что командиром нашего нового флагманского корабля был капитан 1-го ранга Хардер, тот самый, который командовал группой легких крейсеров во время предыдущего рейда на Хартлпул.

В преддверие сумерки 25 апреля мы встретились с двумя нашими подводными лодками, которые указали нам безопасный проход в английских прибрежных водах, и с рассветом начали обстрел Лоустофта и Ярмута. Вдобавок к обстрелу фортов мы заметили и потопили британский патрульный катер. Затем мы вступили в бой с вражеским легким крейсером, который, однако, после краткой перестрелки от боя уклонился и спасся на мелководье, где мы не могли его преследовать.

Закончив свою миссию, мы легли на обратный курс. Сопровождавшие нас торпедные катера по дороге потопили несколько мелких британских судов. Одним из них был паровой траулер «Король Стефан», который не предпринял никаких мер к спасению тонущего экипажа германского цеппелина «L-19», когда этот дирижабль был сбит над Северным морем некоторое время тому назад. Теперь же экипаж траулера горячо отрицал, что он был на борту траулера в то время, когда подбитый дирижабль тонул.

На обратном пути нас некоторое время преследовали британские легкие силы, но держались они на почтительном расстоянии от нас. Чуть позже мы обнаружили, что за нами идут также и британские линейные крейсера, но они сразу же отстали, как только мы приблизились к точке встречи с основными силами флота.

В середине мая адмирал Хиппер вышел из госпиталя, оправившись от своего недуга, хотя и был удручен тем, что ему пришлось теперь временно перенести свой флаг на «Лютцов», поскольку «Зейдлиц» находился на ремонте. Но он повеселел, узнав, что вернулся как раз вовремя, чтобы принять участие в запланированном рейде на Сандерленд, который должен был быть предпринят, как только «Зейдлиц» закончит ремонт и вернется в строй.

Сандерленд и сражение при Скагерраке

Поскольку Сандерленд расположен в устье Тайна и находится поблизости от нескольких крупных британских военных баз, каждый из нас понимал, что его обстрел будет гораздо более опасным предприятием, чем предыдущие рейды на цели, расположенные южнее. Для уменьшения опасности было решено расположить несколько подводных лодок у каждой из этих баз, как для предупреждения о том, что неприятель выходит из базы, так и для того, чтобы атаковать его, когда он попытается это сделать. Подводные лодки приняли на борт достаточный запас топлива, чтобы находиться на своих позициях до конца мая.

В качестве одного из условий для проведения операции предполагалось осуществить тщательную воздушную разведку обстановки, однако после 20 мая погодные условия стали такими, что сделать это в течение нескольких дней оказалось невозможным. Поэтому адмирал Шеер принял решение отменить операцию в отношении Сандерленда и предпринять вместо нее рейд против британского торгового судоходства в направлении Скагеррака и побережья Норвегии. Провести подобную операцию без воздушной разведки представлялось гораздо более безопасным делом, чем операцию против Сандерленда.

Я хорошо помню, что, когда контр-адмирал фон Трота, начальник штаба флота, спросил мое мнение при обсуждении изменения программы, я решительно высказался в пользу рейда к Норвегии, если уж нам суждено обходиться без воздушной разведки.

Особые предосторожности были предприняты в том отношении, чтобы противник не узнал о наших планах проведения такого рейда. Как только в рейд вышел флагманский корабль флота «Фридрих Великий», он должен был соблюдать радиомолчание, а все радиопереговоры флота велись через оставшийся в Вильгельмсхафене корабль. Мы надеялись ввести этим трюком в заблуждение противника, который, следя за эфиром, не заподозрит, что флот вышел в поход, но будет думать, что он по-прежнему находится в Вильгельмсхафене²⁵. В этом случае британские линейные крейсера, если они решатся ввязаться в бой с предполагаемым отрядом наших линейных крейсеров, будут введены в заблуждение и окажутся вынужденными сражаться с основными силами флота – как это и случилось впоследствии.

²⁵ Аналогичный прием был предпринят японцами, чтобы сохранить в тайне выход авианосцев с последующей атакой на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. (Примеч. авт.)

Глава 4

Скагеррак

Сражение при Скагерраке – или Ютландский бой – было описано и критически проанализировано со всех возможных точек зрения, причем не только историками всего мира, но и видными морскими офицерами, участвовавшими в нем. Адмирал Г.С. Гроос в официальной германской «Истории войны на море» дал самое талантливое его описание, как это сделал также и капитан 3-го ранга Фрост, офицер ВМС США, в своей книге «Ютландский бой», объективном и беспристрастном исследовании большой научной ценности. Однако, по мнению тех, кто лично участвовал в этом реальном сражении, многие из историков и аналитиков недостаточно принимают во внимание тот факт, что информация, которую имели в своем распоряжении военачальники противостоящих сторон и на основании которой они принимали свои решения, была зачастую весьма скудной, а порой и основанной на совершенно ошибочных умозаключениях. Наибольшее расхождение в оценках этой битвы мы находим между позициями тех авторов, которые считают, что адмирал сэра Джон Джеллико, британский командующий флотом, был прав в своем нежелании поставить на карту британское господство над морями ради единственного морского сражения, и тех, кто утверждает, что вице-адмирал Битти был прав в своем стремлении сокрушить более слабый германский флот, даже ценой значительных британских потерь. Что же касается меня самого, то я ограничу себя тем, что мне лично известно лучше всего, то есть прежде всего действиями линейных крейсеров.

Как единодушно утверждают все историки, германский военно-морской флот вышел в море ночью 30 мая с целью совершить рейд к Норвегии. Рано утром следующего дня поступило донесение от двух германских подводных лодок, что британские линкоры вышли из своих баз. Сообщение это вселило в адмирала Хиппера и всех нас надежду на то, что в течение дня мы наконец-то сможем вступить в контакт с неприятелем. Первая схватка произошла почти случайно – торпедные катера нашей передовой дозорной линии остановили для досмотра подозрительный пароход, который оказался небольшим судном нейтрального государства. Наши торпедные катера, однако, были замечены британским легким крейсером «Галатей», несшим дозорную службу на северном фланге исключительно мощной эскадры адмирала Битти, состоявшей из 6 линейных крейсеров, которых поддерживали 4 быстроходных новых крейсера, а прикрывали 15 легких крейсеров и 27 эсминцев.

Вдобавок к этому, что тогда нам не было известно, в 70 милях севернее Битти находились основные силы британского флота, состоявшие из 24 линкоров, 3 линейных крейсеров, 8 бронепалубных крейсеров, 12 легких крейсеров и 51 эсминца.

Более того, британцы путем расшифровки наших радиосообщений имели значительное преимущество, получив заблаговременно информацию о том, что наш флот собирается выйти в море, и знали направление нашего движения. По счастью, благодаря ложному радиообмену между нашим флагманским кораблем и сторожевиком в гавани, а также максимально возможному использованию визуальных сигналов британцы не смогли узнать о принятой в последнюю минуту перед выходом смене цели нашего рейда – Сандерленда – на норвежское побережье.

Первый сигнал тревоги на «Лютцове», который теперь служил флагманским кораблем рекогносцировочных сил, был получен от нашего легкого крейсера «Эльбинг», ведущего разведку впереди и с фланга вместе с приданным ему торпедным катером. Донесение, полученное незадолго до 14.30 31 мая, было тревожным: «Наблюдаем вражеский легкий крейсер на весте, следует на норд».

Наш адмирал немедленно поставил в известность адмирала Шеера, затем увеличил скорость и изменил курс к норд-весту, по направлению к точке контакта.

С мостика «Лютцова» глазам моим предстала великолепная картина – идущие четким строем «Дерффлингер», «Зейдлиц», «Мольтке» и «Фон дер Танн», то поднимающиеся, то опускающиеся на серых валах, со шлейфами дыма из труб. Слабый бриз налетал на нас с запада, в воздухе стояла легкая дымка.

Но нашего врага мы увидели в образе полудюжины двигающихся темных точек на юго-западном горизонте, примерно в 17 милях от нас.

Адмирал Хиппер быстро развернул группу линейных крейсеров на обратный курс к юго-востоку наперерез неприятелю. Почти одновременно с нами враг, который до этого шел севернее, тоже развернулся к юго-востоку, и расстояние между нами начало быстро сокращаться.

Далекие точки на горизонте быстро росли и скоро приняли очертания линейных крейсеров. Наш адмирал, следя за ними в бинокль, спокойно отдавал приказы, распределяя цели: каждый из наших линейных крейсеров должен был вести огонь по одному из вражеских кораблей, начиная с левого фланга. Последний из вражеских кораблей обстреливать было некому, но он находился на максимальном удалении от нас и потому представлял наименьшую опасность.

Напряжение достигло своего наивысшего предела, когда броневые башни провернулись и серые жерла орудий стали подниматься. Неизбежность большого морского сражения была очевидной, и все находившиеся на мостике «Лютцова» испытали восторг от той четкости и порядка, с которыми принимались, передавались и исполнялись решения. Наш заместитель начальника штаба, капитан 3-го ранга Хансен, лишь недавно ставший нашим коллегой, восторженно воскликнул: «Ну прямо как на учениях!»

Столь же важной причиной нашего восторга было сознание того, что курс, на котором развертывалось сражение, быстро и прямо вел к расположению основных сил нашего флота, в настоящий момент находившихся на расстоянии около 50 миль.

Оператор-дальномерист докладывал быстро сокращающееся расстояние: «25 000 ярдов – 23 000 ярдов – 20 000 ярдов». Когда прозвучал доклад: «16 500 ярдов», наш адмирал удовлетворенно кивнул: «Открыть огонь!» Одновременно он направил адмиралу Шееру еще одно донесение, в котором уточнял детали ситуации, включая местоположение, силы неприятеля и курс его и наших кораблей.

Палуба под нашими ногами дрогнула, а грохот заполнил весь воздух, когда 305-миллиметровые орудия «Лютцова» метнули свои снаряды в неприятеля. За нашей кормой заговорила 305-миллиметровая башня «Дерффлингера», чуть позже к ним присоединились 280-миллиметровые орудия «Зейдлица» и «Мольтке», и, наконец, по одному 280-миллиметровому снаряду выпустили в неприятеля башни «Фон дер Танна». Минутой спустя мы увидели отдаленные вспышки к юго-западу от нас и поняли, что противник тоже открыл огонь.

Но вместо мертвящего душу грохота разрывов снарядов мы увидели только красивые столбы воды, поднявшиеся в паре тысяч ярдов слева по борту. Лишь через семь или восемь минут мы получили первое попадание – но не в нас, а в «Зейдлиц», по счастью не причинившее ему никакого существенного вреда. Второе попадание, также пришедшееся в «Зейдлиц», оказалось более точным и поразило одну из его башен, выведя ее из строя. Содрогнулся от попадания и наш «Лютцов», а затем и «Дерффлингер», но ни одно из них не вывело корабли из строя.

Эффективность нашей собственной стрельбы было трудно оценить из-за висящей в воздухе дымки и дыма от вражеских орудий, а также столбов воды, взмывающих ввысь между нашими и неприятельскими кораблями, но наши башни вели огонь почти что в пулеметном темпе, и враг, хотя и превосходящий нас числом, неожиданно совершил явный пово-

рот, уходя с боевого курса. Должно быть, наши снаряды ложились достаточно точно, и врагу это явно не понравилось. Он уходил с боевого курса все дальше и дальше. Наш адмирал тоже изменил курс, продолжая идти с ним на сближение на дистанции, которая в этот момент составила 13 000 ярдов.

Равным образом обнадеживающими были и сведения, только что полученные от адмирала Шеера, находящегося со своими основными силами флота всего лишь в 11 милях от нас и сокращающего это расстояние со скоростью 11 узлов.

И именно в этот воодушевивший нас всех момент наши замыкающие суда, «Фон дер Танн» и «Мольтке», попали под сильный огонь с различных направлений – четырех самых крупных кораблей неприятеля, подходивших к нам с правого борта. Наш адмирал решил, что настало время вывести из боя наши линейные крейсера и передать судьбу врага в руки подходящих основных сил нашего флота. Изменение курса на пару градусов к востоку и прибавление скорости увеличило расстояние между нами и неприятелем за дистанцию огня орудий, и наши артиллеристы получили передышку.

Должно быть, врагу только что стало известно о приближении основных сил нашего флота, потому что его четыре линкора изменили курс, оставив у себя за кормой линейные крейсера, которые, получив повреждения, стали отходить на северо-запад.

Наш адмирал, однако, не был настроен отпускать их, для чего и расположил нашу группу линейных крейсеров в боевой порядок. Прошло всего лишь около часа с того момента, как прозвучали наши первые залпы.

Четыре вражеских линкора, которые так досаждали «Фон дер Танну» и «Мольтке», сами оказались теперь под обстрелом, причем не только авангарда основных сил нашего флота, но и группы линейных крейсеров, которые, ведя огонь по линкорам, не забывали и об основной своей цели – британских линейных крейсерах.

Сражение теперь уже вели не только тяжелые корабли, но также и легкие корабли прикрытия. Торпедные катера каждой из противоборствующих сторон то и дело пытались предпринять торпедные атаки, которые тут же парировались встречными торпедными атаками торпедных катеров и легких крейсеров. В этой битве между двумя боевыми порядками одной из выпущенных торпед все же удалось поразить «Зейдлиц» ниже ватерлинии. Но давно отработанные нами меры по борьбе за живучесть кораблей сделали свое дело, и «Зейдлиц» даже не потерял своего места в боевом строю.

В пылу преследования неприятеля, который отходил на северо-запад, нашим канонарам стало изрядно мешать заходящее солнце, против блеска которого им приходилось вести огонь. Помеха эта была столь изрядна, что порой врага совершенно не было видно и огонь приходилось временно прекращать до тех пор, пока видимость не восстанавливалась. На этом этапе боя корабли нашей группы линейных крейсеров были сильно повреждены огнем врага, один только «Лютцов» получил несколько точных попаданий.

Вплоть до этого момента мы понятия не имели о том, что основные силы британского флота тоже находятся в море. Но в 17.40 еще один дивизион британских линейных крейсеров неожиданно возник из дымки, появившись с севера и востока на расстоянии, несколько превышающем 11 000 ярдов. Наши легкие крейсера прикрытия – «Франкфурт», «Пиллау», «Эльбинг» и «Висбаден», шедшие впереди нас, ошибочно просигналили нам «Видим линкоры». Считая, что это подходит авангард основных сил британского флота, наш адмирал дал приказ изменить курс к востоку, а затем к югу, чтобы собрать в кулак наши тяжелые корабли. В результате этого маневра мы оказались еще ближе к этой группе линейных крейсеров противника; как мы узнали позднее, это была 3-я бригада линейных крейсеров. В последующей артиллерийской дуэли британский линейный крейсер «Инвинсибл», флагманский корабль адмирала Худа, взлетел на воздух от точного попадания капитана 3-го ранга Пашена, старшего артиллерийского офицера «Лютцова». Еще через некоторое время пошел

ко дну и британский бронепалубный крейсер «Дефенс», а соседний с ним в строю корабль был вынужден выйти из боевого строя. Мы тоже несли потери: наш легкий крейсер «Висбаден», подбитый и беззащитный, лег в дрейф между боевыми порядками, нашими и неприятеля, был обстрелян всей мощностью орудий кораблей британского флота и в конце концов затонул наступившей ночью со всей командой, из которой спасся только один человек.

Теперь стало совершенно ясно, что весь британский флот находится к северу и востоку от нас, обходя нас и беря в клещи. На часах было 18.35, когда адмирал Шеер отдал приказ «*Gefechtkehrwendung*», или одновременный поворот на курс выхода из боя, команду, которая столь часто отрабатывалась на маневрах под его недреманным оком. Немедленно и так четко, словно все происходило на маневрах, 16 кораблей двух передовых дивизионов сделали поворот на 180 градусов, и весь наш флот лег на новый курс к западу. Все это было сделано столь слаженно и четко, что британцы, которые не могли представить, что подобное вообще возможно, в особенности под сильным огнем, не верили своим глазам, пока наши корабли совершенно не скрылись в сгустившемся тумане. Шесть устаревших, еще додредноутной эпохи кораблей 2-й бригады, которую адмирал Шеер взял с собой, только уступив мольбам ее командующего, контр-адмирала Мауве, не смогли сделать поворот «все вдруг», поскольку были замыкающими, и развернулись обычным порядком.

Как только артиллерийский огонь прекратился, мы в группе линейных крейсеров смогли наконец сосчитать наши раны. Они были значительными. «Лютцова» получил не менее 10 попаданий тяжелых снарядов и одной торпеды, «Дерффлингер» – 7 попаданий, «Зейдлиц» – 14 попаданий и одну торпеду. Все башни орудий главного калибра «Фон дер Танна» были выведены из строя.

Было очевидно, что мы более не можем управлять действиями рекогносцировочных сил с «Лютцова». Крейсер имел сильный дифферент на нос; на баке продолжался пожар, вызванный попаданиями снарядов. Капитан 1-го ранга Хардер был вынужден сбавить его ход до всего лишь пяти узлов и не мог долее сохранять свое место в походном строю.

Я предложил перенести флаг адмирала на другой из наших линейных крейсеров, но сначала адмирал Хиппер даже не хотел об этом слышать. Лишь когда я обратил его внимание на то, что наша радиостанция совершенно выведена из строя, он согласился на то, чтобы к нам лагом подошел торпедный катер.

Командир 1-го дивизиона торпедных катеров капитан 3-го ранга Альбрехт получил приказ направить один из своих катеров встать лагом к «Лютцову» и принять на борт адмирала и его штаб, а четыре других корабля нашей эскадры должны были подойти поближе и поставить дымовую завесу. Торпедный катер «G-39» под командованием лейтенанта фон Лейфена превосходно выполнил маневр, несмотря на плотный огонь неприятеля и сильную качку. Спокойный и собранный, словно он, позавтракав, вставал из-за стола, адмирал Хиппер спустился со шканцев линейного крейсера на бак торпедного катера и отдал приказ следовать за группой линейных крейсеров, которая уже уходила полным ходом к западу на воссоединение с основными силами флота. Затем адмирал Хиппер приказал передать флажным сигналом, что он временно вручает командование группой командиру «Дерффлингера» капитану 1-го ранга Хартогу до той поры, когда он будет в состоянии снова принять его на себя. В тот момент, когда мы переходили на «G-39», в орудийную башню «Лютцова» попал еще один снаряд, вызвав загорание артиллерийского пороха.

Следующие два часа, проведенные нами на борту «G-39», были самыми отвратительными для нас за всю войну, потому что, несмотря на теплый прием, оказанный нам офицерами торпедного катера, мы могли только наблюдать за ходом боя, не принимая в нем того участия, которое должны были бы принимать. Несмотря на все усилия выполнить приказ адмирала и догнать линейные крейсера, «G-39» пришлось не только уйти с курса, чтобы избежать столкновения с нашими собственными дивизионами торпедных катеров, идущих

в атаку на неприятеля, но также постоянно лавировать, уклоняясь от вражеских снарядов. По этой причине мы пропустили поворот основных сил нашего флота на курс к востоку и отчаянный рейд наших линейных крейсеров и торпедных катеров, предпринятый ими в решающий момент сражения для того, чтобы отвлечь огонь врага от основных сил нашего флота.

Мы были весьма удивлены, когда адмирал Шеер, успешно выведя наш флот из смертельных клещей английского флота и оказавшись на позиции, откуда он мог, по всей вероятности, вполне безопасно лечь на ведущий домой курс, отдал приказ повернуть снова на восток и оказался в еще более опасной ситуации. Тем, кто знал его несокрушимую волю, было понятно из его последующих разъяснений, что он не мог не пойти на выручку «Висбадену», спасти который могло бы только чудо. И еще одно, дополнительное объяснение его действий – было еще достаточно светло, чтобы сбить врага с его курса, а поэтому он и предпринял атаку в отчаянно-смелой попытке привести врага в замешательство, что тоже весьма характерно для него.

Но, когда, снова увидев армаду кораблей английского флота прямо у себя по курсу, он приказал линейным крейсерам и торпедным катерам нанести удар по основным силам вражеского флота, нам показалось, что он не вполне сознает истинное положение вещей. Линейные крейсера уже получили значительные повреждения в ходе боя, и оставшиеся на них орудия, которые еще могли вести огонь, вряд ли могли нанести сколько-нибудь значительный урон всему британскому флоту. Но с целью прикрыть еще один поворот на обратный курс под сосредоточенным огнем британских линкоров он был вынужден отдать приказ о торпедной атаке и послал линейные крейсера поддержать ее.

Достигнутый этим рейдом успех ныне хорошо известен. Увидев 31 торпеду, выпущенную с расстояния 10 000 ярдов всеми оставшимися у нас 14 торпедными катерами, осторожный адмирал Джеллико отвернул свои корабли, а к тому времени, когда он снова лег на прежний курс, германский флот уже совершил еще один успешный поворот «все вдруг», лег на обратный курс и растворился в сгустившейся на западе темноте.

Наши линейные крейсера вышли из этого ада только каким-то чудом. Время от времени они попадали под сосредоточенный огонь всего британского флота с дистанции 8000 ярдов. Снаряд за снарядом били в них, сметая орудийную прислугу, вызывая пожары в отсеках, делая пробоины в бортах, через которые хлестала вода. Но они справились со всеми испытаниями и заняли свои места в боевых порядках основных сил германского флота, выйдя из боя в направлениях на юг и запад.

Тем временем адмирал Хиппер посредством флажного семафора старался узнать, который из линейных крейсеров менее всего поврежден и может послужить наилучшим вариантом в качестве командного поста. «Мольтке» подходил лучше всего, и ему был отдан приказ остановиться и подождать нас, поскольку флот стал формировать походный ордер для отступления. Но как раз в тот момент, когда «G-39» подошел к «Мольтке» и встал лагом у его борта, один из вражеских снарядов попал в него, так что крейсер был вынужден набрать скорость и оставить нас за кормой. Лишь после того, как в сгустившейся темноте линейные крейсера адмирала Битти уже не могли вести огонь, нам удалось перебраться на «Мольтке» и снова занять наше место во главе группы. Однако, оказавшись на борту крейсера, мы обнаружили, что его радиостанция выведена из строя, поэтому адмирал Хиппер приказал командиру «G-39» держаться неподалеку от нас, чтобы при необходимости можно было воспользоваться его рацией.

Последовавшие в течение этой ночи события хорошо известны: как адмирал Шеер дерзко повернул на восток и отсек самые дальние корабли неприятеля от основных сил его флота; как в наступившей темноте торпедные катера оказались на расстоянии пистолетного выстрела от крейсеров, а крейсера – от линкоров.

На тот случай, если на следующее утро неприятель по-прежнему будет блокировать ему обратный путь, адмирал Шеер приказал линейным крейсерам занять место в арьергарде основных сил флота. Но мы на «Мольтке» не получили этого приказа, и поэтому наш адмирал провел большую часть ночи, пытаясь занять наше обычное место во главе походного ордера. Лишь на рассвете, уже подойдя к Хорн-риффу, «Мольтке» смог занять предназначенное для него место в строю.

Все той же ночью мы, однако, смогли сообщить нашему командующему флотом о подробностях сражения и о тех повреждениях, которые получили наши линейные крейсера. Мы считали, что смогли нанести врагу тяжелый урон, хотя и совершенно не представляли, сколь тяжел был этот урон на самом деле. Мы же потеряли только один «Лютцов», который, лишившись хода и управления, был потоплен нашей собственной торпедой после того, как его команда была снята кораблями эскорта.

Все остальные наши линейные крейсера смогли добраться до порта своим собственным ходом, хотя «Зейдлицу», получившему самые тяжелые повреждения, пришлось ожидать несколько часов, чтобы перебраться через бар из-за того, что вода, поступившая через торпедную и снарядные пробоины в его борт, увеличила его осадку. Лишь исключительное мастерство его командира, капитана 1-го ранга фон Эджиди, и команды позволило ему выбраться из этой ситуации. Кстати сказать, превосходная конструкция и меры по борьбе за живучесть кораблей позволили нашим крейсерам остаться на плаву и на ходу, получив повреждения, почти идентичные тем, от которых затонули три британских линейных крейсера.

В обязанности штаба адмирала входило составить подробный доклад о ходе сражения, со всеми необходимыми схемами, поэтому мы начали работать над ним, как только оказались на борту «Мольтке». Составить его было довольно сложной задачей из-за бесчисленных и быстрых изменений курса, скорости и приказов в ходе сражения. Тем не менее к моменту нашего возвращения в порт 1 июня у нас уже была ясная картина различных этапов боя, и я был готов вручить адмиралу проект доклада для использования в ходе устного рапорта командующему флотом, который должны были делать все старшие офицеры, командующие эскадр и командиры кораблей. Но поначалу наш адмирал с типичным для него возмущением отверг предложенный ему проект.

«Да не буду ничего рапортовать! Я вел бой – вот и все!» – с чувством воскликнул он.

И пришлось довольно долго убеждать его, пока он не согласился взять подготовленный материал для того, чтобы иметь возможность детально изложить все свои соображения и объяснить свои действия в ходе доклада на флагманском корабле флота.

Что же до нас, офицеров штаба, то мы все считали, что нам никогда еще не приходилось служить под командованием столь превосходного начальника. Несмотря на гром орудий и напряжение боя, все необходимые существенные решения были им приняты, и при всей своей импульсивности он всегда находил время на то, чтобы выслушать мнения офицеров своего штаба. Мы – адмирал и я – пользовались на командном мостике одним биноклем и обменивались мнениями по каждой ситуации боя, и адмирал не отдавал команды до тех пор, пока не выслушивал мою точку зрения. Подобным же образом, когда дело касалось курсов или взаимного расположения кораблей, выслушивалось мнение флаг-штурмана капитана 3-го ранга Прентцеля. Капитан 3-го ранга Хансен призывался всегда, когда возникал вопрос о распределении целей или открытии или прекращении огня. По любому вопросу, касавшемуся торпедных атак, наших собственных, наших дивизионов торпедных катеров или вражеских сил, вызывался наш флаг-торпедист капитан 3-го ранга Брутцер.

Что же касается связи, то я лично вручал адмиралу каждое тактическое донесение, полученное нами, при этом я докладывал свои соображения о действиях, которые необходимо предпринять в соответствии с этой информацией. Это была всего лишь процедура,

которую мы использовали во время всех наших прежних военных маневров. Но одних только предложений было еще недостаточно; они должны были быть изложены в убедительной логической последовательности. Нам повезло еще и в том, что адмирал Хиппер умел быть благодарным, и мы убедились в этом еще раз, когда торжественно отметили десятую годовщину Ютландского боя – в своей речи он снова выразил благодарность всем нам.

Целя доверие и внимание адмирала Хиппера ко всем нашим предложениям, я всегда думал о том, что в ходе окончательного анализа обстановки на командующем всегда лежит тяжкий груз ответственности за принятое решение. Лишь двенадцатью годами позднее, когда мне было доверено возглавить военно-морские силы, я смог полностью осознать, насколько тяжелой могла быть такая ответственность.

После каждого сражения проводится тщательный «разбор полетов» для того, чтобы выяснить, какие уроки должны быть извлечены из хода боя и какие изменения, если это необходимо, должны быть осуществлены. По отношению к нашим рекогносцировочным силам подобное мероприятие, естественно, прежде всего касалось разведки и целеуказания – нашей основной задачи. Группа легких крейсеров под командованием адмирала Бедикера сразу же заметила неожиданное появление британской 3-й бригады линейных крейсеров, но ошибочно назвала эти корабли в своем донесении линкорами. Когда наши линейные крейсера соединились с основными силами флота, им пришлось затратить значительную часть своих ресурсов на разведку неприятеля. В ходе боя с 5-й бригадой линейных кораблей неприятеля предназначенное им место в боевых порядках в авангарде флота было недостаточно хорошо увязано с их функцией – разведкой. Был грех и за нами: когда мы покидали «Лютцов», наш адмирал направил командующему флотом радиодонесение, в котором докладывал: «Авангард основных сил флота противника держит курс с востока на юг». Это была ошибка, так как неприятельский линейный крейсер «Инвинсибл», о котором надо было доложить, отнюдь не являлся «основными силами флота противника».

В результате «разбора полетов», с целью улучшить в будущем выполнение разведывательных функций, по предложению адмирала Хиппера командующий флотом вменил ведение разведки 2-му дивизиону торпедных катеров, поскольку размер и скорость этих катеров наилучшим образом соответствовали этой задаче.

Оценивая все случившееся ныне, мне кажется, что, если бы мы могли предоставить адмиралу Шееру доклад о потерях противника еще до воссоединения с основными силами флота, это позволило бы ему сделать более правильный вывод об оставшихся у неприятеля резервах. Равным образом, после потери неприятелем «Инвинсибла», своевременная информация об этом позволила бы нам проще оторваться от врага.

То, что британский командующий флотом тоже не располагал ценнейшей информацией, вполне ясно из его громких сетований на неспособность Битти доложить о местоположении основных сил германского флота. Так, в момент, когда такое донесение было сделано, Битти не только находился от авангарда германского флота на расстоянии прямой видимости, но и уже вступил с ним в артиллерийскую дуэль.

То, что вице-адмирал Битти был человеком стремительной отваги, прекрасно видно из его предложения разрешить ему повести весь английский флот в лобовую атаку на основные силы германского флота, когда две эти силы оторвались друг от друга после финального разворота адмирала Шеера. Но американский историк капитан 3-го ранга Фрост достаточно жестко критикует решения Битти в ходе боя и восторженно именует адмирала Хиппера крупнейшим из военачальников, участвовавших в сражении. Сам же адмирал Хиппер скромно переуступает эту оценку адмиралу Шееру, замечая при этом, что Фрост не может полностью оценить всю тяжесть ответственности командующего флотом. Безусловно, адмирал Шеер продемонстрировал все свои выдающиеся качества командира тем, каким образом он начал

сражение при Скагерраке и каким образом провел это сражение вплоть до его успешного окончания.

Германский флот не только отважно вступил в бой с превосходящим его по численности английским флотом, но и выиграл его тактически: британцы потеряли 3 линейных крейсера, 3 бронепалубных крейсера, 8 эсминцев и 6995 человек, тогда как германские потери составили 1 линейный крейсер, 1 устаревший броненосец, 4 легких крейсера, 5 эсминцев и 2921 человека.

Большая доля наших потерь пришлась на линейные крейсера и легкие силы. Из команды «Висбадена» спасся только один человек – котельный машинист 1-го класса Ценне. Легкий крейсер «Фрауенлоб», пораженный вражеской торпедой в ночном бою с превосходящими силами неприятеля, затонул со всей командой, из которой спаслись только пять человек. Командир крейсера капитан-лейтенант Георг Хофман погиб, как погиб и командир «Висбадена» капитан 1-го ранга Раисс. На «Лютцове» начальник радиостанции лейтенант Геде погиб на своем посту в первый день сражения.

Наш всеми любимый капеллан лютеранской церкви Фенгер, прекрасно показавший себя во время предыдущих рейдов, был тяжело, но не смертельно ранен. В рейде на Хартлпул, когда его можно было увидеть в любом помещении корабля выполняющим свои обязанности, его каюта на «Зейдлике» была уничтожена взрывом 150-миллиметрового вражеского снаряда. Каюта, в которую он перебрался, была точно так же уничтожена, когда кормовая башня «Зейдлика» вышла из строя в результате попадания тяжелого снаряда. Сам капеллан, смотревший в этот момент в узкую смотровую щель в капонире 150-миллиметрового орудия, получил глубокую рану лица и был выброшен взрывной волной из люка каземата, когда 380-миллиметровый снаряд пробил броню и уничтожил оружейную прислугу.

Обязанности капеллана на борту боевого корабля разнообразны и ответственны. Он должен быть чуток и тактичен, избегая крайностей как холодной гордости, так и ненужного панибратства. Своим поведением он не должен давать никакого повода для упреков, а в вопросах веры и морали быть примером. Хотя он не может быть непосредственным участником сражения, его обязанности состоят в оказании утешения раненым и поддержки их словом и делом.

Германский флот всегда имел счастье видеть в своих рядах прекрасных людей в качестве капелланов. Капеллан Фенгер относился именно к такого типа людям, и, когда он после сражения был награжден орденом Железного креста 1-го класса, мы все сочли эту награду более чем заслуженной.

Совершенно естественно, что после сражения при Скагерраке император пожелал сам поблагодарить личный состав флота и вручить награжденным ордена. Адмирал Шеер и вице-адмирал Хиппер получили каждый орден «Pour le Merite»²⁶, а адмирал Хиппер, как баварец, был награжден еще и баварским орденом Макс-Йозефа, что влекло за собой дворянство и право на приставку «фон» перед фамилией. Я имел честь получить из рук императора Рыцарский крест ордена Гогенцоллернов с мечами.

Представители всех корабельных команд были также собраны на пирсе напротив флагманского корабля флота, и император произнес перед ними речь, в которой отметил их заслуги. Каждый из присутствовавших ожидал, что император отметит в ней и заслуги адмирала Тирпица, который был человеком, по существу создавшим нынешний германский флот. Однако император упомянул в ней лишь адмирала флота фон Кестера, тактика флота, работавшего прием поворота кораблей «все вдруг» и другие тактические приемы, которые были столь успешно применены в ходе сражения при Скагерраке. Пренебрежение это, воз-

²⁶ «Pour le Merite» – прусский орден за военные и гражданские заслуги.

можно, происходило из личной неприязни между адмиралом Тирпицем и канцлером империи по вопросу ограничений действий подводных лодок, в результате чего адмирал Тирпиц и подал в отставку в начале года.

В своем письменном донесении императору о битве при Скагерраке адмирал Шеер утверждал, что, по его мнению, война с Великобританией на море не может быть успешно завершена кроме как путем неограниченной подводной войны. Учитывая, что британцы стали вооружать торговые суда и другие принимаемые ими меры, он считал, что не может взять на себя ответственность отдать приказ командирам подводных лодок подвергать смертельно опасному риску субмарины и их команды для выполнения требования действующего правительственного распоряжения, предписывающего производить досмотр торговых судов, прежде чем принимать какие-либо меры наступательного характера против них. Поскольку правительство не сдавало своих позиций, он считал, что единственно возможным использованием подводных лодок будут только их действия против военных кораблей.

Тем временем с момента возвращения на базу командующий флотом делал все, что было в его силах, чтобы как можно быстрее вернуть поврежденные корабли в строй. Он рассчитывал сделать это самое позднее к августу, до того момента, как британцы смогут отремонтировать свои поврежденные корабли. По его мнению, значительные потери британского флота, несмотря на его численное преимущество, так беспокоили адмирала Джеллико, что тот отказался от продолжения сражения на следующий день, хотя и находился в такой ситуации, что вполне мог решиться на подобное действие. Адмирал Шеер был твердо убежден, что в должном взаимодействии с нашими дирижаблями и подводными лодками мы вполне можем надеяться на куда больший успех хорошо подготовленной операции в самом ближайшем будущем.

Поскольку все линейные крейсера находились на ремонте, адмирал Хиппер временно перенес свой командный пост на устаревший линкор «Швабия», стоявший на якоре на внутреннем рейде гавани Вильгельмсхафена. Пока мы находились на нем, пастор Густав Френссен несколько дней работал с нами, собирая информацию обо всех этапах сражения. Его роман «Скагеррак» изображает эпизоды этого сражения столь красочно и в то же время настолько достоверно, что читатель может узнать всех действующих лиц даже под вымышленными именами, а порой он словно участвует в бою, а не листает страницы печатного издания.

Наш помощник капеллана Роннебергер тоже опубликовал специальный журнал «На передовом посту» с описанием сражения при Скагерраке, отдав в нем дань мужеству и стойкости как членов команд, так и унтер-офицеров и офицеров кораблей. Эта публикация много способствовала поднятию духа всех рекогносцировочных сил.

А командующий флотом уже планировал новую операцию против Сандерленда, главная цель которой заключалась в демонстрации врагу готовности германского флота к новым испытаниям. За исключением «Зейдлица» и «Дерффлингера», все остальные корабли должны были встать в строй к середине августа. Чтобы вернуть былую мощь бригаде линейных крейсеров, ее было решено усилить линкорами «Бавария», «Великий герцог» и «Маркграф». Поскольку первоначально операция против Сандерленда планировалась на май, то тогда все наши подводные лодки заняли свои места у всех выходов со всех баз британского флота. Подобное использование подводных лодок предполагалось и ныне, а операции должна была предшествовать воздушная разведка обстановки с дирижабля «Цеппелин».

Германские силы, как и было запланировано, вышли в море ночью 18 августа. На рассвете флагман рекогносцировочных сил «Мольтке» заметил вражескую подводную лодку в момент ее погружения, но она успела выпустить торпеду в «Вестфалию», шедшую замыкающей в походном порядке. «Вестфалия» после попадания осталась на плаву, но вынуждена была возвратиться в Вильгельмсхафен. Британский же флот, также вышедший в море, вре-

зался в строй своих собственных подводных лодок, в результате чего адмирал Джеллико был вынужден изменить курс, так что выход в море задержался на несколько часов.

Во второй половине дня наш «Цеппелин-L-13» доложил о тяжелых кораблях неприятеля, выходящих из гавани Хуфден. Адмирал Шеер быстро развернул основные силы флота в этом направлении, надеясь перехватить это неприятельское соединение нашими превосходящими силами. Однако «L-13» вскоре передал еще одно донесение о том, что его предыдущее сообщение оказалось ошибочным и что он наблюдает теперь всего лишь «легкие силы», но никак не «тяжелые корабли противника».

В результате задержавшегося выхода в море английского флота и смены курса нашими кораблями из-за ошибочного донесения «Цеппелина» намечавшееся сражение так и не состоялось. Затем в операциях германского военно-морского флота возобладала доктрина неограниченной подводной войны, и последний наступательный рейд флота перед началом неограниченной подводной войны закончился без всякого успеха, которого так жаждал каждый из нас.

Глава 5

От неограниченной подводной войны до революции

После этого, последнего выхода в море всего германского флота в войне на море наступили новые времена: была изменена вся структура Верховного командования флота и произведена смена способов ведения войны. В конце августа руководителями Верховного командования сухопутных сил были назначены фельдмаршал фон Гинденбург и генерал Людендорф. Большое наступление противника на Сомме было остановлено, а наша собственная пагубная Верденская кампания с ее громадными потерями прекращена.

Смена целей привела к сокрушительному поражению России в 1916 году и заложила основы начала революции, происшедшей в этой стране в 1917 году.

Но, к немалому удивлению всех сражающихся сторон, император внезапно обратился к Англии и Франции с предложением о мире – предложением, которое мы все расценили как последнюю попытку нашего правительства закончить войну, не прибегая к неограниченной подводной войне. Когда же мирное предложение было поспешно отклонено, мы поняли, что объявление неограниченной подводной войны было как оправданно, так и неизбежно, даже имея в виду риск вовлечения в войну против нас Соединенных Штатов.

Адмирал Бахман, начальник штаба адмиралтейства, подал в отставку, поскольку он вместе с адмиралом Тирпицем выступал против ограничений на действия наших подводных лодок, установленных канцлером. Его преемником стал адмирал фон Хольтцендорф. Но адмирал фон Хольтцендорф в свою очередь пришел к убеждению о необходимости предоставления свободы действий подводным лодкам и после целого ряда совещаний в ставке Верховного главнокомандования смог получить согласие императора и армии на неограниченную подводную войну, провозглашенную в начале февраля 1917 года.

Коль скоро было принято решение о тотальной подводной войне, она получила на флоте наивысшую степень приоритета. С этих пор главной задачей флота стало поддерживать свободными от мин проходы в Гельголандскую бухту и из нее для входа и выхода подводных лодок и кораблей сопровождения. Такие каналы приходилось постоянно очищать, поскольку британцы неумоимо старались заблокировать их своими минами, так что наши получившие дополнительные корабли тральщики были постоянно заняты этой работой. Минные поля, поставленные неприятелем, двигались все дальше и дальше от побережья, поэтому нашим тральщикам приходилось работать все дальше и дальше в открытом море, подвергая себя опасности внезапных атак британцев. Военно-воздушные силы, по погодным условиям, также не могли обеспечить их безопасность в достаточной мере. Нам приходилось прикрывать работавшие тральщики легкими крейсерами, которым, в свою очередь, могли прийти на помощь наши тяжелые силы.

Поскольку изрядная часть наших сил была отвлечена на подобную деятельность, стало невозможным предпринимать настоящие наступательные рейды силами всего флота, так что вся активность надводных кораблей свелась к незначительным операциям, предпринимаемым прежде всего для усиления действий против вражеского торгового мореплавания.

Так, например, наши новые легкие крейсера «Бруммер» и «Бремзе» предприняли неожиданную атаку на британский конвой, ходивший между Англией и Норвегией. Той же ночью один отряд возглавляемого капитаном 3-го ранга Хайнеке 2-го дивизиона торпедных катеров напал на британский конвой у побережья Норвегии, тогда как остальные отряды 2-го дивизиона провели рейд против торгового мореходства неприятеля у побережья самой Англии.

Дивизионы торпедных катеров базировались также и в портах Фландрии²⁷, откуда они не только выходили для проводки наших подводных лодок через вражеские пикеты, но также и осуществляли рейды против торговых судов. Второй дивизион торпедных катеров однажды даже заставил отступить крупное соединение британских кораблей, охранявших громадную сеть против подводных лодок, установленную в Английском канале.

Во время своих рейдов у побережья Фландрии наши торпедные катера обычно не встречали никакого сопротивления, но однажды, в ночь на 22 января 1917 года, 4-й дивизион торпедных катеров неожиданно наткнулся на сильное соединение вражеских легких кораблей и принял бой. Мой друг и соученик, капитан 3-го ранга Макс Шульц, командовавший дивизионом, был убит на командном мостике своего корабля. Принявший на себя командование капитан-лейтенант Бём, хотя и тяжелораненый, привел подбитый флагман в один из датских портов и смог организовать там срочный ремонт, уложившись во временные рамки, дозволенные законами о нейтралитете, после чего благополучно привел свой корабль на базу.

Эскортируя выходящие в море и возвращающиеся подводные лодки и поддерживая проходы для них в минных полях, наши торпедные катера совершали короткие выходы почти каждую ночь. Линейные крейсера и линкоры исполняли роль кораблей поддержки для различных групп тральщиков. В подобных обстоятельствах для командующего рекогносцировочными силами уже не было необходимости постоянно оставаться на флагманском корабле, поэтому по предложению командующего флотом адмирал Хиппер со своим штабом перебрался на стоявший на мертвом якоре корабль с куда более обширными возможностями связи, с которого он мог более эффективно управлять действиями минных тральщиков, торпедных катеров и воздушной разведкой. Здесь, в отличие от часто выходившего в море флагмана, он мог не только отслеживать действия кораблей эскорта и тральщиков, но и в необходимых случаях собирать совещания со своими подчиненными. Хотя жилые помещения на древнем легком крейсере «Ниоба» были весьма тесными и устарелыми, это вполне компенсировалось много лучшей радиосвязью, значительно повышавшей эффективность управления, и куда большими возможностями для планирования операций.

На всем протяжении войны корабли нашего флота время от времени становились в доки военно-морской верфи для прохождения осмотра и ремонта. В это время их экипажи, разбитые на группы, получали возможность отдохнуть на берегу. Такой отдых, однако, оставался неосуществимой мечтой для офицеров штаба, поскольку наш адмирал раньше просто перебирался с одного корабля на другой и продолжал выходить в море. Теперь же, наконец, мы тоже смогли получить возможность немного отдохнуть. В первый раз с начала войны я в июле смог навестить свою семью, жившую в Ареншоопе на Балтийском побережье.

Когда я вернулся после этого отпуска, мой помощник капитан 3-го ранга Прентцель по секрету сообщил мне о том, что происходит на флоте. Дисциплина в командах линкоров значительно упала, особенно серьезным было положение на корабле «Принц-регент Леопольд». Еще совсем недавно я не мог себе представить, что такое возможно на германском флоте.

Для понимания этих так называемых «мятежей» 1917 года необходимо принимать во внимание целый ряд обстоятельств.

Прекращение настоящих наступательных рейдов флота после начала подводной войны поставило военно-морской флот в весьма трудное положение, но отличающееся от ситуации в сухопутных войсках. Патрулирование побережья было занятием весьма скучным и монотонным, а переход к соблазнам береговой жизни в то время, когда корабли вставляли под бункеровку или на ремонт, слишком сильным контрастом. На берегу матросы могли бывать в сомнительных питейных заведениях и всякого рода подвальчиках, зачастую совер-

²⁷ Фландрия – историческая область в Бельгии, примыкающая к Северному морю. Главные города – Гент и Брюгге.

шенно подрывающих строгую морскую дисциплину. На верфи Вильгельмсхафена в первый год войны работал прекрасный трудовой коллектив истинных патриотов. Но по мере лавинообразного нарастания объемов работ в военное время сюда пришли работать и множество нежелательных элементов, политическая пропаганда которых сделала свое черное дело. Из-за сравнительно тесного пространства Вильгельмсхафена агитация эта доходила также и до корабельных экипажей. Чем крупнее был корабль и чем меньше он участвовал в боевых действиях, тем питательнее была на нем почва для посеянного недовольства.

Еще одной причиной для снижения уровня дисциплины на отдельных кораблях стало то, что по мере хода войны лучшие из офицеров среднего командного звена – капитан-лейтенанты и лейтенанты – получали более ответственные назначения, а те, кто приходил им на смену, не обладали качествами своих предшественников. Эффект этот особенно проявлялся на крупных кораблях с большими командами, поскольку на легких крейсерах и на более мелких кораблях старший и средний командный состав жил в более тесном контакте со своими подчиненными. Примечательно, что на торпедных катерах и на подводных лодках дисциплина оставалась на весьма высоком уровне до самого конца войны, что объясняется более тесными отношениями между офицерами и командой и активным участием их в действиях против неприятеля.

Однако в 1917 году неподчинение и бунты на берегу сделали эту скрытую опасность видимой. Устранением немногих истинных причин недовольства и быстро принятыми мерами по отношению к заводилам-агитаторам дисциплина была восстановлена и сохранялась вплоть до общего коллапса 1918 года, несмотря на продолжавшуюся даже в рейхстаге социалистическую агитацию.

Начиная с 1917 года в армии появились тысячи случаев дезертирства; на флоте же дезертиров были считанные единицы. И если армейские дезертиры избавляли ее ряды от деструктивных элементов, то флот был вынужден терпеть их в замкнутости своей корабельной жизни.

Некоторое разнообразие в жизнь флота внесло направление линкоров в сопровождении крейсеров, торпедных катеров и тральщиков летом 1917 года на Балтику для участия в оккупации островов Хийумаа и Сааремаа и зоны Рижского залива. «Мольтке» (командир – капитан 1-го ранга фон Леветцов) стал флагманским кораблем этих сил, на котором держал свой флаг командующий ими вице-адмирал Эрхард Шмидт. Осуществленный здесь десант стал прекрасным примером блестящего взаимодействия между сухопутной армией и военно-морским флотом. Точно такая же прекрасная коллективная операция была осуществлена на следующий год, в результате чего Финляндия оказалась освобожденной от большевистских сил действиями соединений германского флота под командованием контр-адмирала Мойрера во взаимодействии с подразделениями сухопутных сил генерала графа фон дер Гольца.

В ноябре 1917 года британцы снова смогли добиться успеха в расшифровке наших радиокодов. Наши тральщики получили задание расчистить от мин так называемый «Средний канал», ведущий в Гельголандскую бухту, который британцы перекрыли своими минами. В качестве прикрытия для тральщиков были выделены легкие крейсера и эсминцы из состава бригады легких крейсеров под командованием контр-адмирала фон Ройтера, а их, в свою очередь, должны были поддерживать два линкора. К сожалению, приказы об операции были переданы по радио, поскольку некоторые из принимавших участие в операции кораблей не имели телефонной связи и не могли принимать визуальные сигналы.

В ходе последовавшего за этим сражения британцы оттеснили два наших легких крейсера, но не осмелились преследовать их в районах наших минных полей. С другой стороны, два наших линкора не смогли прибыть вовремя, чтобы поддержать наши легкие силы. Но

даже в такой ситуации британцы смогли потопить только один наш патрульный катер и попасть одним-единственным снарядом в крейсер «Кенигсберг».

Буквально на следующий день адмирал фон Хиппер получил приказ произвести разведку Среднего канала силами линейных крейсеров на предмет обнаружения наступательной активности британцев, но разведка не дала никаких результатов. Этот выход в море оказался для меня последним выходом в составе линейных крейсеров.

К этому времени я прослужил пять лет в штабе командующего рекогносцировочными силами на должности начальника штаба. В апреле предыдущего года мне было присвоено звание капитана 2-го ранга.

Теперь, если я хотел сделать себе имя в избранной мною профессии, мне надо было получить опыт командования кораблем. Адмирал фон Хиппер отнесся к перспективе моего ухода неблагосклонно и неделю за неделей оттягивал решение о моем переводе. Однако зимой 1917/18 года в строй вступали несколько новых легких крейсеров, и я в конце концов добился назначения на один из них. Это был легкий крейсер «Кёльн», уже второй корабль, носивший это имя, который должен был быть спущен на воду 10 января 1918 года на верфи компании «Блом и Фосс» в Гамбурге. Первый корабль, носивший это имя, был потоплен в первом настоящем сражении этой войны, унеся с собой контр-адмирала Маасса.

Я все еще служил в штабе адмирала фон Хиппера, когда в строй вступил новый линейный крейсер «Гинденбург», ставший флагманом эскадры линейных крейсеров. Во время прощального ужина, который был устроен на борту корабля, адмирал фон Хиппер сердечно поблагодарил меня за службу и выразил искреннее сожаление по поводу моего ухода. Я столь же сожалел, уходя от адмирала, к которому относился с искренним уважением и с которым так тесно сработался как в мирное, так и в военное время. Тем не менее я нетерпеливо жаждал принять под свое командование прекрасный новый корабль. Как только я передал свои дела своему преемнику, капитану 3-го ранга Прентцелю, я поспешил в Гамбург.

Атмосфера на флоте в этот момент была оптимистичной. Русские начали переговоры о мире, и мы все с надеждой смотрели в будущее.

По прибытии на новое место службы я обнаружил, что ядро моей будущей команды составляет экипаж легкого крейсера «Гамбург», который только что был выведен из состава флота. Эти люди были не только испытаны в ходе ночных сражений при Скагерраке. В течение нескольких лет «Гамбург» был флагманским кораблем командующего подводными силами, так что дисциплина на нем была на высоте. Равным образом я мог быть доволен и своими офицерами, и, хотя лучшие из них были направлены для службы на подводных лодках, оставшиеся все равно были превосходными работниками. Компания «Блом и Фосс» славилась своей оперативностью и качеством, и поднятие флага 10 января 1918 года прошло без всяких неожиданностей. Именно тогда я лично познакомился с молодым Бломом, с которым очень тесно работал в будущем, когда мне довелось стать командующим флотом.

Горя нетерпением снова принять участие в боевых действиях, я принял все меры к скорейшей приемке корабля, так что через несколько дней мы уже смогли спуститься по Эльбе и пройти по каналу императора Вильгельма в Киль.

Благодаря своему опыту штурмана я с самого начала новой службы чувствовал себя на командном мостике корабля как дома, и ходовые испытания прошли по плану. При этом некоторые из обычных пунктов программы испытаний мирного времени были опущены, поскольку могли закончиться ненужными повреждениями и не дали бы никаких таких результатов, которые мы не могли бы получить в ходе обычных операций.

В ходе этих испытаний мы занимались также и боевой подготовкой экипажа, которую я желал осуществить в максимально полном объеме. Кроме этого, я всегда считал, что чем более широкое общее образование имеет человек, тем более эффективен он и как профессионал. Поскольку учебные материалы по истории, традициям и реалиям отечества зача-

стую были неудовлетворительны, я организовал цикл лекций для заполнения этих пробелов. Подобным же образом, когда на борту не было капеллана, я обычно лично проводил религиозные воскресные службы.

В марте мы отслужили памятную мессу в честь погибших в бою на первом «Кёльне», при этом памятную проповедь произнес ветеран, капеллан рекогносцировочных сил, с которым мы подружились еще в дни моей службы на «Зейдлице». На этой мессе присутствовали семьи тех, кто пал в бою, а также семьи членов нашего собственного экипажа, и служба эта оставила большое впечатление в памяти всех присутствовавших на ней.

Вся команда была очень рада, когда в конце марта мы наконец полностью закончили ходовые испытания и были совершенно готовы встать в строй флота. Последующие шесть недель боевой подготовки были посвящены борьбе за живучесть корабля, в которой мы использовали опыт, полученный как в ходе смотров мирного времени, так и в ходе настоящих сражений. Краткие увольнения на берег позволяли экипажу передохнуть от напряженных занятий, а хорошие новости о весеннем наступлении нашей армии на Западном фронте придавали нам заряд оптимизма.

В начале мая «Кёльну» было приказано выйти в Северное море и присоединиться к бригаде легких крейсеров под командованием капитана 1-го ранга фон Леветцова. В составе группы были легкие крейсера «Кенигсберг» – флагман группы, «Франкфурт», «Карлсруэ» и «Нюрнберг». Новый «Дрезден» под командованием капитана 1-го ранга принца Адальберта Прусского был на ходовых испытаниях, готовясь присоединиться к нам летом.

Тем временем 4-я бригада линкоров также должна была быть усилена кораблями «Баден» и «Бавария», нашими первыми линкорами, каждый из которых нес по восемь 380-миллиметровых орудий главного калибра.

Основной задачей нашей бригады была установка минных полей вдоль внешних границ тех минных полей, которые были установлены британцами у наших берегов в течение последних лет. Как предполагалось, на наших минных полях должны были подрываться все вражеские корабли, которые попытались бы установить в этих акваториях новые минные поля. Такие выходы наш командующий использовал еще и для интенсивной боевой подготовки. Открытая и доброжелательная критика, в которой фон Леветцов проводил «разборы полетов», следовавшие за этими выходами и боевой подготовкой, а также товарищеское общение с нами на банкетах по случаю этих выходов имели большое значение для прекрасного духа товарищества и коллективизма, установившегося среди нас. Каждый из нас был горд ощущать себя частью такого коллектива.

Закончив постановку своих минных полей, мы снова вернулись к уже знакомым нам операциям прикрытия наших минных тральщиков, которые сохраняли открытыми наши собственные проходы в минных полях для входа и выхода кораблей. В ходе этих операций наши крейсера, а подчас и несколько торпедных катеров, обеспечивали охрану тральщиков, в то время как пара линкоров или линейных крейсеров стояли в качестве второй линии прикрытия позади нас, на расстоянии прямой видимости. Поскольку при этом практически отсутствовала опасность атаки вражеских подводных лодок, то наша работа была большей частью весьма монотонна. Коротая долгие часы на мостике, я рассеивал скуку, перечитывая Шиллера.

Во время одного из таких походов дивизион торпедных катеров и легкий крейсер «Кёльн» попали на не отмеченное на карте минное поле. Хотя подводные лодки, которые мы сопровождали, миновали его без происшествий, несколько из наших торпедных катеров взорвались на минах. Поскольку катера эти были в избытке оснащены лодками, спасательными плотами и спасательными нагрудниками, большинство членов команд было спасено. Но одна лодка со спасшимися моряками, не замеченная в темноте, в течение двух недель дрейфовала в Северном море, пока не была в конце концов подобрана у острова Зильт. Лишь

решительные действия офицера, младшего лейтенанта Рольмана, установившего строгий рацион скурых запасов еды и воды, спасли жизнь его исхудавших боевых товарищей.

Да и наши крейсеры порой попадали на совсем недавно поставленные неприятелем минные поля. Однажды, возвращаясь в гавань в густом тумане после постановки мин в районе Тершеллинга, наш «Кёльн» тоже попал на такое поле, но благополучно прошел его, хотя мы видели несколько мин и потопили их огнем из бортового оружия.

В начале августа «Кёльн» получил приказ встать вместе с другим крейсером при входе в гавань Вильгельмсхафена для несения охранной службы, и я воспользовался случаем, чтобы навестить адмирала фон Хиппера, который держал свой флаг на стоявшем на мертвом якоре корабле «Ниоба». Адмирал фон Хиппер был доволен новыми изменениями в командной структуре флота. Сам он был назначен на должность командующего флотом, заменив на этом посту адмирала Шеера, ставшего начальником штаба адмиралтейства и начальником высшего военно-морского штаба. В этом качестве он мог руководить всеми действиями кораблей на море. Адмирал фон Хольтцендорф, который до него был начальником штаба адмиралтейства, был уволен в отставку по болезни. Капитан 1 – го ранга фон Леветцов был назначен начальником штаба при адмирале фон Хиппере, а контр-адмирал фон Ройтер – новым командующим рекогносцировочными силами. Капитан 1-го ранга Зенкер, который в качестве командира «Фон дер Танна» столь великолепно проявил себя в сражении при Скагерраке, был назначен ответственным за обеспечение безопасности военно-морских баз и сил от внезапных вражеских атак.

Эта реорганизация сделала высший военно-морской штаб тем, чем он должен был быть с самого начала, но была произведена чересчур поздно. Июнь и июль этого года стали месяцами самого ужасного отступления наших армий на Западном фронте, а в августе генерал Людендорф сделал потрясшее нас всех заявление о том, что только скорейшее перемирие может спасти Германию от полного разгрома.

Я не осознал полностью результатов этого до тех пор, пока в сентябре не был направлен в Спа в качестве представителя военно-морских сил в комиссии, которой предстояло изучить условия возможного перемирия. Думаю, одной из причин, почему для этой миссии был выбран именно я, стало то обстоятельство, что «Кёльн» в это время был поставлен в док для ремонта гребного вала и я был несколько не у дел.

Конференция в Спа проходила под руководством генерала фон Гюнделя, а руководителем военно-морской группы был контр-адмирал Мойрер. По пути туда во время пересадки в Кёльне я посетил знаменитый Кёльнский собор, который произвел чрезвычайное впечатление на меня, особенно в эти часы.

В Спа мы явились к адмиралу Шееру и были размещены вместе с сотрудниками высшего военно-морского штаба. Кроме адмирала Мойрера и меня, военно-морской флот в комиссии был представлен капитаном 2-го ранга Ванселоу из штаба адмиралтейства и капитаном 3-го ранга Кипом. Верховное армейское командование представляли несколько офицеров, а советник дипломатической службы барон фон Лерснер представлял собой министерство иностранных дел.

Обсуждение продолжалось несколько дней, после чего мы все принялись за подготовку текста условий перемирия, которые позволили бы всем сторонам сохранить лицо. Однако, как теперь известно, работа наша была впустую, и военные действия продолжались вплоть до капитуляции в Компьене в ноябре 1918 года.

Именно во время работы на конференции в Спа мы узнали от офицеров высшего военно-морского штаба истинное положение дел в политической и военной сферах. Новый канцлер принц Макс Баденский обрисовал перед рейхстагом критическое состояние страны. Под давлением превосходящих сил союзных армий, которые к тому же ежедневно усиливались с прибытием все новых и новых американских войск, наши армии, находившиеся

в чрезвычайно тяжелых условиях, непрерывно отступали, неся все возрастающие потери. Новый министр иностранных дел контр-адмирал в отставке фон Хитце безуспешно пытался договориться о перемирии через нейтральные государства. Что же до Верховного военно-морского штаба, то он был склонен продолжать подводную войну как можно дольше, с целью использовать ее как средство давления в ходе любых мирных переговоров.

В наш последний вечер в Спа адмирал Шеер устроил прощальный ужин, на который были приглашены фельдмаршал фон Гинденбург и генерал Людендорф. Груз забот заставил генерала Людендорфа вернуться к своим обязанностям сразу же по окончании ужина, но мы получили возможность провести несколько часов в обществе фельдмаршала фон Гинденбурга. Нас поразило и воодушевило то, с каким спокойствием и уверенностью воспринимал фельдмаршал то трудное положение, в котором оказалась Германия.

По возвращении на свой корабль я обнаружил, что в Вильгельмсхафене, как и во всей Европе, бушует сильнейшая эпидемия гриппа 1918 года. На некоторых из наших кораблей слегло так много людей, что они даже не могли выйти в море. Мы на «Кёльне» за короткий срок справились с ней и снова вернулись к нашей патрульной службе.

В ходе упомянутой уже реорганизации адмирал фон Мюллер, глава военно-морского кабинета, был заменен на контр-адмирала фон Трота. В течение всей войны адмирал фон Мюллер был вынужден выполнять труднейшую, а по временам и почти невозможную миссию, согласовывая пожелания императора с различными взглядами офицеров столь же высокого положения и звания, в частности в штабе адмиралтейства и Верховном командовании военно-морского флота. Так, например, одной из проблем подводной войны, в которой канцлер империи также имел свой голос, было недостаточное взаимодействие с другими силами флота. Выполняя поручения императора, адмирал Мюллер был вынужден играть ту роль, которая совершенно не пристала главе военно-морского кабинета и которую он отнюдь не горел желанием играть. В результате морские офицеры несправедливо считали адмирала Мюллера ответственным за колебания и неправильные решения в отношении действий подводных лодок.

Назначение адмирала фон Трота в качестве главы военно-морского кабинета было воспринято на флоте с воодушевлением. Но, поскольку император находился в Ставке Верховного главнокомандования, фон Трота не считал для себя возможным покинуть пост начальника штаба флота в эти критические дни. В результате он так и не заступил на свою должность в военно-морском кабинете вплоть до самого коллапса, после чего ему пришлось только выполнить тяжкий долг по его свертыванию и преобразованию в отдел личного офицерского состава.

В ходе этих общих преобразований я неожиданно получил приказ передать командование «Кёльном» своему старому соученику капитану 2-го ранга Каульхаузену и занять должность в военно-морском директорате в качестве начальника центрального бюро.

Хотя и польщенный оказанной мне честью, я все же неохотно оставлял свой новый корабль именно тогда, когда все зависело от морального состояния экипажа. Я твердо верил в то, что на наш «Кёльн» не удалось получить доступа никаким нежелательным личностям. В своей прощальной речи, обращенной к команде, я сказал людям, что верю в них, и особо подчеркнул то, что в это критическое для Германии время только лояльность и повиновение каждого офицера и матроса могут быть единственным, что спасет нацию. По тому вниманию, с которым они меня слушали, я понял, что люди согласны со мной.

И надежды мои не были обмануты. Позднее, когда Вильгельмсхафен был охвачен революционным движением, «Кёльн» и «Кёнигсберг» твердо и решительно несли свою патрульную службу в устье Эмса. Когда, совершая свой обычный дозорный рейд, они получили сообщение о приближении английских сил, они немедленно и без колебаний вышли навстречу неприятелю. Сообщение оказалось ошибочным, но эти два корабля – наши

последние корабли с дисциплинированными экипажами – остались на своем посту вплоть до того момента, когда новое правительство отдало им приказ вернуться в Вильгельмсхафен.

Когда я покидал «Кёльн» и Вильгельмсхафен 11 октября 1918 года, команда корабля проводила меня традиционным троекратным приветствием уходящему капитану, и я чувствовал, что это была далеко не только дань традиции. Я чувствовал тесную связь со всей командой, как с офицерами, так и с матросами, и тяготился тем, что в дни тяжелых для них испытаний (приближение которых я даже видел наяву) не смогу быть с ними, чтобы разделить эти испытания.

По прибытии в Берлин двумя днями спустя я доложил сначала капитану 1-го ранга Зеебому, которого я должен был сменить на посту начальника центрального бюро, а потом контр-адмиралу фон Манну, главе военно-морского директората. Ввиду серьезности ситуации я испросил разрешения некоторое время поработать вместе с капитаном 1-го ранга Зеебомом и получил его. Поэтому первое время жил в комнате его помощника, располагавшейся рядом с главным входом, откуда было рукой подать до моего кабинета.

Революция и прекращение военных действий

Октябрь был целиком заполнен обычными рутинными делами, вращавшимися прежде всего вокруг программы строительства подводных лодок, которая была принята по инициативе адмирала Шеера. Он считал, что нужно постоянно следить как за ходом ее выполнения, как и за действиями подводных лодок – и то и другое должно осуществляться с максимальной интенсивностью, поскольку мощь нашего подводного флота можно будет использовать как рычаг давления в ходе любых переговоров о прекращении военных действий или заключении мира. Гражданское же правительство склонялось скорее к точке зрения противника, согласно которой никаких разговоров о прекращении военных действий не может даже вестись, пока не прекратятся действия подводных лодок.

Вести с фронтов войны не радовали. Наступление союзных армий на западе плюс развал болгарского фронта, распад Австро-Венгрии, обмен дипломатическими нотами с союзниками – все это предвещало скорый конец войны. Настроение в войсках особо ухудшилось после снятия со своего поста генерал-квартирмейстера Людендорфа и его замены генералом Тренером.

Командование флота планировало на конец октября проведение операций против целей на побережье Фландрии и в районе Хуфдена. Основной целью этой операции было прикрытие эвакуации армейских соединений и в особенности корпуса морской пехоты из Фландрии, а также обстрел военно-морских баз, занятых британцами. Для обеспечения прикрытия флота в этой операции предстояло установить обширные минные поля и выставить дозорную линию из подводных лодок, которые должны были обезопасить фланг флота от возможных атак любых британских сил, могущих подойти с севера.

Это должна была быть хорошо спланированная операция с минимальным риском, при этом мы надеялись, что участие флота в настоящей наступательной операции может поднять дух засидевшихся в гаванях моряков.

К сожалению, в ходе подготовки флота распространились слухи, распускаемые все теми же сомнительными элементами, что в ходе этой безнадежной операции флот будет принесен в жертву единственно для того, чтобы «спасти честь мундира». На нескольких кораблях материализовались записные бунтовщики. К ним тут же были приняты соответствующие меры, но операция была отменена – и флот был обречен.

В Киле тоже было беспокойно. Беспорядки 1917 года вполне ясно показали, что этот промышленный город с военно-морскими верфями и революционно настроенными рабочими является уязвимым местом. К сожалению, именно в это время адмирал Бахман, который в течение ряда лет был командующим Балтийским военно-морским округом и губернатором Кили, должен был быть заменен адмиралом Сошеном. Адмирал Сошен имел прекрасный послужной список, отлично командовал Средиземноморской эскадрой, в которую входили «Гебен» и «Бреслау», но понятия не имел об обстановке в Киле.

Первым признаком грядущего кризиса стали революционные волнения среди рабочих кильских верфей. Однако интеллигентный социал-демократ Густав Носке, депутат рейхстага, опередил радикальных революционеров, принял на себя должность губернатора Кили и сумел установить рабочее соглашение с адмиралом Сошеном.

Ставка Верховного главнокомандования планировала отправить в Киль известного и энергичного «Фландрского льва» – адмирала фон Шрёдера – с заданием овладеть военно-морской базой и предполагало дать ему в помощь несколько надежных армейских подразделений для восстановления правительственной власти. Однако было уже слишком поздно, да и такая акция явилась бы нарушением соглашения, которое уже было заключено при посредничестве Носке.

Надежные армейские части предполагалось также направить в Вильгельмсхафен, чтобы подавить там беспорядки, спровоцированные революционерами среди личного состава флота. Мне же было приказано передать эту информацию непосредственно командующему флотом адмиралу фон Хипперу, поскольку ни телефонной, ни телеграфной связи нельзя было доверять.

Выехав из Берлина вечером 5 ноября, я прибыл в Вильгельмсхафен утром следующего дня, как раз к тому моменту, чтобы стать свидетелем самых обескураживающих сцен. Когда я передавал доверенную мне информацию адмиралу фон Хипперу, уже было ясно, что даже если бы и удалось найти эти надежные части, то сделать что-либо было бы невозможно. В день моего прибытия было объявлено о конференции всех офицеров на борту флагманского корабля «Баден», который для этой цели был поставлен в шлюз. Из этих офицеров предполагалось сделать ядро центра сопротивления, но затея провалилась, поскольку офицеры не явились на конференцию. Рядовой состав различных кораблей поддался на пропаганду независимой социал-демократической партии, которая выступала за мир любой ценой.

Полный этих нерадостных впечатлений, вечером того же дня я пустился в обратный путь в Берлин. Железнодорожное сообщение тоже было почти блокировано, поезда едва тащились, подолгу стоя у каждого семафора. Прошел слух, что мятежники из числа моряков уже пробрались и в поезд, и на остановках по дороге, где сохраняли контроль верные правительству силы, проводилась проверка документов. Наш поезд при приближении к Берлину даже не хотели пускать в город, пока находившиеся в нем офицеры не настояли на этом. В результате всех этих передрыг я смог добраться до своего кабинета в военно-морском директорате только вечером 8 ноября.

Тут оказалось, что весь военно-морской директорат находится в состоянии обороны. Капитан Пипер, начальник отдела вооружения, возглавил командование обороной группы зданий, в которых размещался военно-морской директорат, между Ландвер-каналом и Бендлерштрассе, а главное здание охранял батальон улан.

На следующий день, 9 ноября, революция разразилась и в самом Берлине. Пытаясь спасти монархию, канцлер принц Макс Баварский провозгласил, что и император и кронпринц отрекутся от престола и будет введено регентство. Но социал-демократы отвергли этот вариант и провозгласили взамен него республику. После этого принц Макс подал в отставку с поста канцлера и передал всю полноту власти в руки временного правительства, которое возглавил Фридрих Эберт²⁸, лидер социал-демократической фракции рейхстага. Народные массы окончательно вышли из повиновения, и для предотвращения кровопролития генерал фон Линсинген, губернатор Берлина, запретил войскам применять огнестрельное оружие. Наш батальон улан быстренько куда-то испарился, побросав свое вооружение. Император попросил убежища в Голландии.

Революционные солдаты образовали совет, и военный министр фон Манн получил от них извещение, что теперь они по приказу нового правительства берут контроль над военно-морским директоратом; тем временем адмирал фон Манн обязан работать в обычном режиме. Вскоре в нашем директорате появился какой-то весьма подозрительный тип, заявивший, что он представляет собой солдатский совет; больше всего его интересовали

²⁸ Эберт Фридрих (04.02.1871, Гейдельберг, – 28.02.1925, Берлин) – германский политический и государственный деятель, один из правых лидеров германской социал-демократии. По профессии шорник. С 1889 г. член СДПГ. В 1905 г. избран членом правления, в 1913 г. – одним из председателей правления СДПГ. С 1912 г. депутат рейхстага, в 1916 г. возглавил социал-демократическую фракцию в рейхстаге. В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. занимал социал-шовинистские позиции. Во время Ноябрьской революции 1918 г. принял от принца Макса Баденского (9 ноября) пост рейхсканцлера; 10 ноября стал одним из председателей правительства – Совета народных уполномоченных; заключил (10 ноября) тайное соглашение с представителями Верховного военного командования о введении в Берлин воинских частей для удушения революции. В январе 1919 г. правительство Эберта Шейдемана подавило революционное выступление берлинского пролетариата. С февраля 1919 г. Эберт – президент Германии.

находившиеся в сейфе министра деньги. Ему было сказано, что офицер, у которого находятся ключи от сейфа, в настоящее время отсутствует и сейф невозможно открыть, после чего этот тип сразу же испарился. В тот же вечер он был застрелен часовыми при попытке ограбить другое здание.

Вопрос, в какой мере военно-морской флот был ответствен за революционные выступления в октябре и ноябре 1918 года, был предметом споров в течение многих лет. Я лично должен отклонить все подобные обвинения. В 1919 году полковник Бауэр из Верховного командования сухопутных сил опубликовал книгу, в которой приводятся такие цифры: еще в июле 1918 года насчитывалось около 500 000 бунтующих солдат, которые не вернулись на фронт после окончания отпусков. В сентябре их число уже перевалило за полтора миллиона. Уже весной командующий частями, расквартированными в Бельгии, просил направить ему на помощь дополнительные силы, чтобы защититься от бродящих вокруг дезертиров. В книге ясно показано, что истинными возмутителями спокойствия были резервисты и призывники армии, разложенные политической пропагандой независимой социал-демократической партии и коммунистов, выступавших за мир любой ценой – даже подрывом всех военных усилий в борьбе против неприятеля.

Справедливо утверждение, что открытые беспорядки на флоте начались тогда, когда стали известны планы относительно октябрьского рейда и то, что кое-кто из матросов, дезертировавших со своих кораблей, появился в военно-морской форме во многих городах в глубине страны, где они влились в состав солдатских комитетов и, естественно, привлекли к себе внимание своим присутствием так далеко от побережья. Вдобавок много других личностей, зачастую криминальных элементов, натянули военно-морскую форму с целью завоевать доверие восставших. Так, например, пресловутый Народный военно-морской дивизион, который на некоторое время захватил королевские конюшни в Берлине, состоял отнюдь не из моряков, но исключительно из уголовников. К сожалению, их форма и название дали основание всей стране считать, что именно флот был зачинщиком и пропагандистом революции, и клеймо это черным пятном висело на флоте несколько лет.

Тем временем революционная партия создала для военно-морского флота «Совет 52-х», и его члены вскоре появились в военно-морском директорате для «консультирования министра». Они также попытались взять под свой контроль работу некоторых отделов министерства. Аналогичные советы, с такими же целями, были созданы при военно-морских командованиях в Киле и Вильгельмсхафене, хотя в них входило меньшее число членов. Вдобавок ко всему независимая социал-демократическая партия назначила депутата рейхстага Вогхерра исполняющим обязанности министра; депутат этот, как мы поняли, должен был участвовать во всех сколько-нибудь важных совещаниях и проверять всю входящую и исходящую корреспонденцию.

Реалистично отнесясь к сложившейся ситуации, министр фон Манн пошел на сотрудничество с «Советом 52-х» и сделал им вполне тактичное предложение о том, как им сотрудничать. Он указал им на то, что поскольку предварительное соглашение о перемирии было подписано 11 ноября, то комиссия военно-морского флота по вопросам перемирия несет величайшую ответственность, так как условия, предъявленные победоносными союзниками, станут куда более суровыми, если предварительные условия не будут соблюдены. Поэтому военно-морской флот должен строжайшим образом выполнять эти условия, обсуждая каждый свой шаг на ежедневных совещаниях.

«Совет 52-х» почти не вмешивался в эту работу, предпочитая проводить время в шумных митингах в главном вестибюле, на которых они произносили пропагандистские речи и принимали большей частью неисполнимые резолюции.

Поняв и признав, по всей видимости, свою профессиональную несостоятельность, депутат Вогхерр присутствовал на всех заседаниях комиссии по прекращению военных

действий, но в обсуждении рассматриваемых вопросов участия не принимал. К «Совету 52-х» он, как мне казалось, относился отрицательно и старался не сотрудничать с ним, если уж невозможно было находиться в прямом противостоянии с ним.

Некоторые из членов совета, курировавшие различные отделы министерства, пытались разобраться в вопросах, «представлявших для них определенный интерес». Начальники отделов и исполнители в общем воспринимали их как явление природы и почти не приходили им на помощь. Примечательно, что один из членов совета, закрепленный за центральным отделом министерства, проявлял деятельный интерес к распределяемым через этот отдел фондам и средствам. Позднее, когда совет был распущен, этот его член потребовал, чтобы ему была оказана поддержка за счет одного из этих фондов. По счастью, он выказал весьма мало интереса к многотрудным и ответственным функциям начальника этого отдела, государственного советника Гризе, через которого проходили все сколько-нибудь важные документы.

Контр-адмирал Мойрер, глава военно-морской части комиссии по прекращению военных действий, по требованию британского адмиралтейства отправился в Англию на крейсере «Кёнигсберг» для участия в обсуждении тех военных вопросов, которые имели отношение к военно-морскому флоту. Вопреки совету адмирала Мойрера, некоторые из самых радикальных членов солдатского совета попытались тоже принять участие в этих переговорах, считая, что они таким образом смогут инициировать революцию в среде британского военно-морского флота, но были сразу же отправлены в обратный путь адмиралом Битти.

В конце года, после того как были согласованы условия прекращения военных действий, забот у флота не уменьшилось. Согласно условиям прекращения военных действий должна была быть осуществлена реорганизация германского военно-морского флота. Штаб адмиралтейства и военно-морской кабинет должны были быть распущены, а их функции передавались новому военно-морскому управлению. Сам же флот должен был быть интернирован в одном из нейтральных портов до момента принятия окончательного решения о его судьбе.

Тяжело нам было выполнять условия прекращения военных действий, особенно этот последний пункт. Лишь взывая к чувству офицерского долга, удалось найти тех добровольцев, кто согласился бы предпринять это неприятное путешествие. Опытных матросов для участия в нем пришлось соблазнять особыми премиями. Британцы при этом проявили все свое вошедшее в поговорку упрямство и грозились оккупировать Гельголанд, если во время перехода будет потерян хоть один корабль. В конце концов контр-адмирал фон Ройтер вместе с капитаном 2-го ранга Олдекопом в качестве его начальника штаба перевели флот, однако, вопреки условиям прекращения военных действий, он был интернирован на британской военно-морской базе Скапа-Флоу, а не в нейтральном порту.

По условиям прекращения военных действий военно-морской флот был обязан ликвидировать все поставленные им в Северном море и на Балтике минные поля. Требование это дало нам возможность сохранить несколько соединений тральщиков, занятых этими операциями, и восстановить в их командах воинскую дисциплину. Найти компетентных специалистов для этой работы, равно как и демобилизовать согласно нашим новым полномочиям высвободившийся персонал, было нелегко, но это позволило нам избавиться от не заслуживающих доверия личностей. В итоге хотя беспорядки на наших военно-морских базах в течение зимы и имели место, как это происходило также в Берлине и других городах, нам все же удалось постепенно поднять дисциплину плавсостава.

И здесь мы получили мощную поддержку от губернатора Киля депутата Носке, когда он вошел в состав нового правительства в качестве народного комиссара обороны. В декабре в Берлине состоялся новый съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором прозвучали довольно экстравагантные призывы к уменьшению полномочий военной власти.

Комиссар Носке, однако, был убежденным сторонником сохранения военной дисциплины, без которой, по его мнению, сильная армия была бы невозможна, и он упорно и настойчиво поддерживал военную власть. Ввод надежных армейских сил в столицу, равно как и формирование дисциплинированных «добровольческих корпусов» в армии и на флоте, создал основу для частичного восстановления законности и порядка по всей стране.

Среди «добровольческих корпусов», сформированных из армейских частей, самыми примечательными были военно-морские бригады, организованные капитаном 3-го ранга Эрхардтом и капитаном 1-го ранга фон Лёвенфельдом. Созданные в начале 1919 года, они состояли из офицеров, мичманов, унтер-офицеров и матросов срочной службы, причем последние почти целиком служили ранее в самых хорошо дисциплинированных экипажах – на торпедных катерах и подводных лодках. Их командиры, Эрхардт и фон Лёвенфельд, были в высшей степени достойными офицерами, проверенными в сражениях и знавшими, как внушить своим подчиненным силу духа и дисциплину.

Еще одна военно-морская бригада была набрана почти полностью из флотских старшин, которые, однако, предпочли видеть своими командирами офицеров армии.

В императорском военно-морском флоте старшины представляли собой прослойку, которой не было в армии. В строгом смысле этого слова это не офицеры, но всего лишь специально отобранные унтер-офицеры, прослужившие на флоте много лет и обладавшие прекрасным знанием своей технической специальности, однако не имевшие широкого военно-морского образования, которое обязаны были иметь обычные офицеры. Многие из них продемонстрировали исключительную лояльность и способности, но, к сожалению, на последнем этапе войны и в начале разразившейся революции позволили увлечь себя политически ангажированной Ассоциацией унтер-офицеров и поддались демагогии ее председателя Альболдта, который уже несколько лет как не служил на флоте.

В ходе реорганизации военно-морского флота планировалось отказаться от института флотских старшин, заменив его армейской системой специалистов из унтер-офицеров. Носке был целиком с этим согласен, и флоту удалось успешно провести такую замену, уволив в отставку менее надежных старшин и присвоив самым лучшим обычные офицерские звания. Ставшие офицерами старшины более чем оправдали оказанное им флотом доверие.

Кроме содействия флоту в этом и других случаях, комиссар Носке, когда радикальная партия независимых социал-демократов утратила свои позиции, заменил их представителя Вогтхерра депутатом от социалистической партии Гибелем и тогда же уменьшил число членов «Совета 52-х», а позднее и вообще упразднил его. Все чаще я наблюдал его в прямой оппозиции членам совета, несмотря на их обвинения в предательстве и даже угрозы расправиться с ним.

Тем временем в организации военно-морского флота произошли и другие, весьма неожиданные, изменения. Адмирал фон Манн, военно-морской министр, накануне Рождества отправившийся к себе на родину, в Баварию, сообщил о том, что он из-за обострения болезни не может вернуться к исполнению своих обязанностей, и подал прошение об отставке.

Выбор нового руководителя флотского ведомства был достаточно сложным делом, потому что человек этот должен был быть не только приемлемой фигурой для правительства, но и должен был пользоваться полным доверием флота.

Самой подходящей кандидатурой представлялся контр-адмирал Трота. После прекращения военных действий он возглавил управление офицерских кадров военно-морского флота, в которое был преобразован военно-морской кабинет, и пользовался уважением всех боевых офицеров.

Другой возможной кандидатурой был вице-адмирал Рогге, начальник управления вооружения, который также был главой военно-морской секции комиссии по прекращению

военных действий. В этом своем последнем качестве он прекрасно вел все переговоры, неумолимо отмечая любые вмешательства революционных элементов. Во время отсутствия адмирала фон Манна исполнял обязанности министра. Но он никогда не командовал боевыми соединениями на море во время войны и за пределами своего собственного круга оружейных специалистов был неизвестен флоту. Как только Рогге узнал, что флот предпочитает контр-адмирала Трота, он не колеблясь оказал ему всевозможную поддержку.

Полностью вступив в полномочия руководителя центрального отдела военно-морского управления, я был весьма озабочен вопросом о преемнике адмирала фон Манна. Чрезвычайно высоко ценя адмирала фон Манна как руководителя, я молил его не подавать в отставку. Но когда он не изменил своего решения, я пришел к выводу, что скорейшее назначение на этот пост адмирала фон Трота совершенно необходимо для предотвращения возможной катастрофы.

Ни для кого не было секретом, что радикальные политические круги – прежде всего левые силы – оказывали давление на политическое руководство, стараясь протолкнуть свою кандидатуру, одного из трех «П»: фон Пустау, Персиуса или Пааше. Из всех них фон Пустау, ушедший в отставку в 1908 году в звании капитана 1-го ранга и с тех пор только писавший на флотские темы, никогда не воспринимался всерьез ни одним из морских офицеров. Но волны революции довольно быстро прибили его к берегу левых, где он обрел поддержку самых отъявленных радикалов. Персиус тоже уже находился в отставке и посвятил себя кропанию пламенных *exposes*²⁹, которые, по его заявлениям, разоблачали тиранию офицеров по отношению к матросам. Выступая с публичными лекциями, он вскоре столкнулся с противодействием хорошо информированных и острых на язык младших офицеров флота, которые в ходе дискуссий, завязывавшихся после его лекций, буквально разбивали в пух и прах все его доводы. Со временем его лекции стали одиозными. Капитан-лейтенант Пааше, который, подобно двум предыдущим деятелям, тоже был уволен в отставку еще в самом начале своей флотской карьеры, был идеалистом и мечтателем. Он попал под влияние радикальных коммунистов и вскоре был убит в уличной перестрелке в Восточной Пруссии.

С разрешения адмирала Рогге я посетил комиссара Носке с целью убедить его в необходимости поставить во главе флота человека, который находится на активной воинской службе и к которому флот испытывал бы доверие и уважение. Я также назвал, в качестве своего личного мнения, кандидатуру адмирала фон Трота. Носке искренне согласился с моей высокой оценкой профессиональной репутации адмирала и пообещал поближе познакомиться с ним. Он также дал мне разрешение обсудить этот вопрос лично с главой правительства Эбертом, ставшим впоследствии президентом.

Как знамение времени в тот январский день, когда я направился в резиденцию канцлера, один из «добровольческих корпусов» как раз вступал в Берлин для восстановления законности и порядка. В тот момент, когда я входил в здание, этот корпус остановился у северного крыла резиденции, где его приветствовали Носке и Эберт речами, произнося их с балкона второго этажа. Никем не остановленный, я прошествовал прямо в комнату, из которой был выход на балкон, увидел в ней разложенные на столе ручные гранаты и винтовки, очевидно приготовленные для обороны, если кто-либо вдруг напал бы на членов правительства.

Сразу по окончании речи Эберта я представился ему и был приглашен в его рабочий кабинет. Начав свой доклад, я понял, что Носке уже посвятил Эберта в суть моих идей, которые Эберт тем не менее выслушал с интересом. По ходу разговора я понял, что решение по этому вопросу не будет принято до тех пор, пока Национальная ассамблея на своей сессии

²⁹ Обличительная статья, разоблачительный материал (*фр.*).

не сформирует временное правительство, и получил заверения в том, что проблема будет изучена самым тщательным образом.

Не далее как на своем первом представлении в новом служебном качестве в Берлине в октябре 1918 года я осознал, что война закончится для Германии неблагоприятно и одним из последствий этого будет значительное сокращение военно-морского флота. В этих обстоятельствах для флота становилось, если он желал занять достойное место в новой системе государства, жизненно необходимым компетентное и влиятельное руководство. Военно-морской флот, как и сухопутные силы, вне какого-либо сомнения, должен будет возглавляться министром-политиком, но возврат к его прежнему положению, когда доминировали армейские генералы, вряд ли возможен из-за ограниченности финансовых средств. Тем не менее прежняя схема организации управления, когда административное и оперативное командование флотом объединялось под одним руководителем адмиралтейства, мне представлялась наилучшей. Первая реорганизация управления, проведенная императором Вильгельмом II, когда командование флотом было разделено между Верховным командованием и военно-морским директором, приводило к постоянным трениям между двумя управленческими структурами равного уровня. Организация управления по типу адмирала фон Тирпица, при которой допускалось существование различных независимых друг от друга управляющих структур, подчинявшихся только самому императору, было ничем не лучше, поскольку имело следствием отсутствие единого военно-морского руководства в ходе войны. Так как в новом государстве силовые службы, без сомнения, должны будут представлять свои программы в рейхстаг через своих политических представителей, то не будет ничего необычного в том, что одна из таких служб будет представлять свои запросы через своего военного руководителя, как это и имело уже место, когда адмирал занимал пост министра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.